

Ольга Эдельман

С Т А Л И Н

Биография в документах
(1878 — март 1917)

Часть II
Лето 1907 — март
1917 года

Ольга Эдельман

**Сталин. Биография в документах
(1878 – март 1917). Часть II:
лето 1907 – март 1917 года**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2021

УДК 929
ББК 6/8.63

Эдельман О. В.

Сталин. Биография в документах (1878 – март 1917). Часть II: лето 1907 – март 1917 года / О. В. Эдельман — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2021

ISBN 978-5-93255-609-2

Книга посвящена наименее изученному, но окруженному множеством слухов и домыслов периоду в биографии И.В.Сталина и представляет собой сочетание исследовательского текста и документального сборника. Публикуемый комплекс документов достаточно полно отображает корпус источников по дореволюционной биографии Сталина, причем воедино сведены материалы как из основных архивов, так и из старых, труднодоступных и забытых изданий. На основании этого документального массива автор описывает превращение молодого тифлиссского социал-демократа Кобы в видного большевика общероссийского масштаба Сталина. В книге подняты вопросы о реалиях функционирования революционного подполья, идеологических разногласиях, использовании большевиками рабочего движения и революционного насилия. В чем состояла подпольная работа, которой занимался Сталин, и с каким опытом он подошел к 1917 году? В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 929
ББК 6/8.63

ISBN 978-5-93255-609-2

© Эдельман О. В., 2021

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2021

Содержание

Глава 15	7
Документы	28
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Ольга Эдельман
Сталин. Биография в документах
(1878 – март 1917). Часть II:
лето 1907 – март 1917 года

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Под общей редакцией

чл. – корр. РАН С. В. Мироненко

Научный редактор

д. э. н. А. А. Белых

В книге использованы документы ГА РФ, РГАСПИ, Красноярского краевого архива

Рецензенты Л. А. Роговая, О. В. Хлевнюк

© О. Эдельман, 2021

© Издательство Института Гайдара, 2021

Глава 15

Баку, июнь 1907—март 1908 года

К лету 1907 г. стало окончательно очевидно, что революция пошла на спад и надежды на ее возобновление иллюзорны. Вместе с тем иссякала и масса сочувствующих движению; разочарованные и отрезвевшие рабочие переставали слушать социал-демократических агитаторов, вслед за этим, естественно, скудели и денежные взносы. В Закавказье большевики полностью проиграли Грузию.

В этой ситуации удачным, хитрым ходом было перебросить бесполезных теперь в Грузии наличных работников в Баку, тем самым увеличив вес большевистской фракции Бакинского комитета. Город по-прежнему был очень удобен для всякой нелегальной деятельности, власти после бурных событий предшествовавших лет не предприняли никаких решительных шагов, чтобы сделать его более контролируемым и управляемым, да и не имели для этого ни сил, ни ресурсов. Более того, после революционных выступлений и беспорядков обстановка повсюду на Кавказе оставалась весьма беспокойной, ибо разница между отрядами повстанцев и обычными бандитами была чрезвычайно тонка, а по завершении активной фазы революции многие боевики, прежде считавшиеся революционерами, теперь, оставшись не у дел, перешли к простому разбою. Уровень преступности вырос. К примеру, в Тифлисской губернии в 1907 г. владельцы прибыльных сельдяных промыслов были вынуждены платить налетчикам по 40–80 тысяч рублей ежегодно, не считая выкупа за освобождение из плена. Охрану жилых домов и магазинов «взяла на себя» партия «Дашнакцутюн», разумеется, за деньги. При полном бездействии властей и перед лицом угрозы разорения тифлисское купечество в мае 1907 г. объединилось в Союз коммерсантов¹.

В Баку дело осложнялось наличием тысяч пришедших на временные работы на нефтепромыслы рабочих, взаимной враждебностью мусульман и армян и совершенной неадекватностью штатов полиции. 23 июля 1908 г. наместник на Кавказе кн. И. И. Воронцов-Дашков в ответ на полученное из Петербурга предписание с длинным перечнем упущений кавказской администрации писал премьер-министру П. А. Столыпину, что «главное кавказское начальство неоднократно возбуждало вопрос об усилении полиции и об улучшении ее положения, но обычно получало на это отказ; в то время, когда в 1905–1906 гг. было отпущено до 20 миллионов на усиление полиции и улучшение ее положения во внутренних губерниях, на Кавказ не было отпущено ни одного рубля. Исключение представляет собою только Баку, но и то – благодаря тому, что местные нефтепромышленники и город оплачивают из своих средств свыше 2/3 общего штатного расхода на полицию. В гор. Тифлисе мне пришлось собственной властью увеличить число городских на 150 человек за счет остатков от кредитов на полицейскую сельскую стражу, ввиду явного недостатка городской полиции»². Воронцов-Дашков докладывал также о прискорбном состоянии Метехского тюремного замка в Тифлисе и здания бакинской тюрьмы, на ремонт которых не было средств, о малочисленности штатов жандармов и вследствие этого слабости розыскной работы и т. д.³

В сетованиях бакинских жандармов на обычные для этого города затруднения – узкие кривые улочки старого города, замкнутую жизнь мусульманских домовладений, отсутствие регистрации населения и разноплеменный его характер – появился новый мотив. После национальных столкновений стало очень затруднено наружное наблюдение, так как «город делится

¹ Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. Из переписки П. А. Столыпина с гр. И. И. Воронцовым-Дашковым // Красный архив. 1929. № 3 (34). С. 193–194.

² Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. С. 215–216.

³ Там же. С. 128–130.

на две части, татарскую и армянскую, и как татары, так и армяне, в особенности вечером, из боязни быть убитыми на почве национальной розни избегают бывать во враждебной части города», поэтому невозможно стало использовать филеров из этих народов, а русские «среди туземного населения быстро бывают обнаруживаемы». Впрочем, филеры рисковали жизнью безотносительно национальности, «так как жизнь человека в Баку ценится очень недорого и при обнаружении филера или вообще сыщика – «шпики» его не задумаются убить», причем вовсе не из враждебности к властям, а потому, что «население, терроризированное изо дня в день повторяющимися в г. Баку грабежами, кражами, убийствами и т. п., очень подозрительно и опасливо относится к каждому новому лицу, появляющемуся вблизи их жилищ» (см. док. 3). К. Захарова-Цедербаум вспоминала, что в Старом городе, внутри старинной крепостной стены, в узких извилистых и пустынных улицах «по вечерам, чуть не ежедневно происходили перестрелки и убийства, и полиция боялась показываться сюда. [...] Население оставалось неразру-женным, и револьвер или кинжал пускались в ход по всякому поводу» (см. док. 4).

К этому добавлялись столь же обыкновенные коррумпированность и нерадивость чинов полиции и жандармов, которые чаще всего нет возможности разграничить. Чему, например, можно приписать такое событие, как исчезновение из бакинской тюрьмы одного из главных обвиняемых по делу о подпольной типографии РСДРП Епифана Енукидзе? Удивительно, но «26 минувшего июля, по доставлении в местную тюрьму 11 лиц, задержанных [...] по делу об обнаруженной в г. Баку накануне подпольной типографии „Бакинской организации Российской социал-демократической рабочей партии“, арестованный Епифан Энукидзе, во время проверки, незаметно вышел из ворот тюрьмы и скрылся»⁴. А ведь заведующий местным охранным пунктом доносил в Департамент полиции, что все силы его подчиненных брошены на обнаружение этой типографии, и об аресте ее рапортовал как о главном своем достижении (см. док. 3).

В воспоминаниях революционеров встречаются указания на продажность бакинских полицейских и даже самого начальника губернского жандармского управления. С. Орджоникидзе вспоминал, что жандармский ротмистр Зайцев «весьма охотно брал взятки» (см. док. 5).

Описываемые мемуаристами схемы побегов арестантов, в том числе тех, кому могла грозить смертная казнь, поражают простотой и незамысловатостью. Основывались они на из рук вон скверном учете и регистрации арестованных, равно как и на надзоре за ними в тюрьме. О таком побеге поведал оказавшийся в бакинском арестном доме летом 1905 г. А. Сухов (Андрей Бакинский). «Помогло нам одно удивившее меня обстоятельство. Никого из нас не сфотографировали. На этом и на записях протокола ареста был основан наш чрезвычайно простой план, немедленно нами выполненный». Состоял он в том, что Сухов просто поменялся одеждой с другим арестованным: «В протоколе я значился, как молодой человек в соломенной шляпе и пестрой рубашке. Я снял с себя то и другое, а сам надел на себя костюм подходившего ко мне по росту слесаря Спиридона Андреева, а тот, облекшись в мое платье, стал „подозрительным неизвестным“. Прибавлю, что товарищ Андреев никогда раньше по политическим делам не привлекался и рисковал сравнительно немногим. Тот же приблизительно прием применили Яков, Владимир⁵ и двое гурийцев-террористов». Начальником арестного дома, по словам А. Сухова, был тогда «грузин, знакомый со многими меньшевиками и широко пропускавший к нам не только провизию, но и нелегальные издания. Через него или через посетителей, подходивших прямо к окнам, мы знали обо всем, что делается в городе и на промыслах»⁶. Отде-

⁴ Из донесения заведывающего особым отделом канцелярии наместника на Кавказе полковника Бабушкина в Департамент полиции, 8 августа 1907 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 87).

⁵ Яков Бройде, Лев Шендриков – активные работники шендриковской группы.

⁶ Сухов А. Три месяца моей работы в Шендриковской группе (Баку, июнь-август 1905 г.). С. 131.

лить в этом случае небрежность в исполнении обязанностей, большую приверженность связям знакомства и родства, нежели служебной иерархии, от корыстной заинтересованности вряд ли возможно. Вообще сходные приемы устройства побегов были широко распространены в Закавказье. Точно таким же образом, поменявшись одеждой и именем с арестованным за неважное преступление молодым грузином, в декабре 1905 г. вышел из тюрьмы в Тифлисе Камо, взятый перед этим казаками с оружием в руках и уже тогда знаменитый, усиленно разыскиваемый боевик⁷.

После ареста И. Джугашвили в марте 1908 г. Бакинское ГЖУ послало для идентификации личности его фотографии в Кутаисское и Тифлисское ГЖУ. Из Кутаиса ответили, что «опознать Джугашвили по представляемой при сем фотографической карточке ввиду давности времени, никто из чинов вверенного мне пункта и полиции не мог» (см. док.61). Из Тифлиса также отписали, что «установить личность Джугашвили по карточке не представилось возможным, так как фотографической карточки в Управлении не имеется, а его лицо никто не помнит» (см. док. 62). Со времени, когда Джугашвили сидел в Кутаисской тюрьме и проходил по делу о Тифлисском кружке РСДРП, не прошло и пяти лет, так что память у жандармских чинов была весьма короткой.

Не лучше, конечно же, обстояло дело с расследованием виновности арестованных, поиском доказательств и т. д. Арестованные видные революционеры нередко вскоре выходили на свободу, как С. Орджоникидзе и другие участники первомайской демонстрации 1907 г., затем присоединившиеся к ним в тюрьме участники большевистского фракционного собрания (среди них С. Спандарян, А. Енукидзе, А. Джапаридзе, И. Фиолетов). Тогдашнее свое освобождение Орджоникидзе приписывал взятке («небольшой сумме»), данной ротмистру Зайцеву (см. док. 5), а в 1909 г. за взятку тому же Зайцеву в размере 700 рублей был выпущен из-под ареста С. Шаумян⁸.

Неудивительно, что Баку по-прежнему притягивал подпольщиков разных мастей. Приехавшая в январе 1908 г. К. Захарова-Цедербаум вспоминала, что «застала там много товарищей, вынужденно или добровольно съехавшихся туда с разных концов России. [...] Сюда же перекочевали многие из рабочих, принимавших активное участие в революционном движении и вынужденных уйти от репрессий»⁹. Как, собственно, поступила и сама рассказчица – меньшевичка, жена брата Мартова С. О. Цедербаума.

В январе 1907 г. в Баку перебрался Сурен Спандарян¹⁰, в марте – Серго Орджоникидзе. Степан Шаумян, и без того много бывавший в Баку, окончательно там поселился в начале июня¹¹. К середине 1907 г. в Баку обосновались Буду Мдивани, Н. Н. Колесникова (О. А. Тарасова), позднее М. С. Ольминский,

А. М. Стопани и другие большевики¹² (см. док.5–8). В 1908 г. в Баку из Луганска переехал Климент Ворошилов, но в описываемое нами время его в Баку не было заметно. В 1940 г. Сталин в письме историкам М. А. Москалеву и Е. Н. Городецкому пояснил, что Ворошилов тогда не входил в состав «руководящей группы большевиков», «был в Баку всего несколько месяцев и потом уехал из Баку, не оставив после себя заметных следов»¹³. Несколько загадочно, что сам Ворошилов вовсе промолчал об этом периоде в своей мемуарной книге, первый том которой закончил спадом революционного движения в 1907 г., а второй начал с нового революционного подъема 1911–1912 гг. Промежуточные несколько лет почему-то оказались пропущены,

⁷ Бибинейшвили Б. Камо. С. 87–89.

⁸ Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 76–77.

⁹ Захарова-Цедербаум К. В годы реакции / предисл. и примеч. А. Стопани // Каторга и ссылка. 1929. № 11 (60). С. 79–80.

¹⁰ Эмексузян В. С. Сурен Спандарян. С. 12.

¹¹ Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 65.

¹² Самедов В. Ю. Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане. Ч. 2. С. 241.

¹³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 187.

то ли оттого, что ничем не были примечательны, то ли Ворошилов имел свои причины на них не останавливаться.

В середине июня или начале июля 1907 г.¹⁴ в Баку переехал и Иосиф Джугашвили, взяв с собой жену и ребенка.

Первыми его шагами на новом месте стали выступления на собраниях партийцев с рассказами о съезде и его решениях. О том, что именно он говорил, видно по его статье «Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии (Записки делегата)», которая была напечатана в газете «Бакинский пролетарий». Статья вышла двумя частями 20 июня и 10 июля за подписью «Коба Иванович», прозрачно соединившей всем известную партийную кличку с псевдонимом, которым он пользовался на съезде¹⁵. 27 июля 1907 г. во время обыска в захваченной стараниями жандармского ротмистра Орловского подпольной типографии РСДРП помимо прочего были найдены пять наборных столбцов «Заметок о Лондонском съезде РСДРП»¹⁶. Очевидно, это была та же самая статья, поскольку другие бакинские партийные публицисты о съезде не писали¹⁷. Статья была написана по-русски, что означало новые условия и новый этап для Джугашвили как автора. Если до недавнего времени он писал прежде всего по-грузински для грузинской аудитории, то теперь читатели сменились и в дальнейшем ему предстояло писать на русском языке.

На собраниях слушавших Кобу бакинских партийцев резолюция о роспуске боевых дружин и запрещении «партизанских действий» (которые в Баку без обиняков именовали «террором»), как и следовало ожидать, была встречена с недоумением. Решения, правомерные и понятные для других частей империи, в Баку при существовавшем там уровне насилия выглядели иначе. В городе, где армяне и мусульмане взаимно опасались ходить в чужие кварталы, а полицейских филеров убивали как опасных чужаков, где нефтепромышленники и инженеры не появлялись без телохранителей из местных головорезов, рабочие для безопасности по вечерам возвращались с нефтепромыслов в город только гурьбой, а по утрам на дорогах то и дело находили тела припозднившихся путников, где население было поголовно вооружено, – в таком городе идея о роспуске боевой дружины вряд ли могла показаться разумной. Не были готовы бакинские социал-демократы и к отказу от террористических актов, то есть убийств. Настроения рабочих в этом плане были даже еще более решительными, чем у революционеров¹⁸. В феврале 1907 г. С. Спандарян поместил в газете «Орер» («Дни») статью «Организация или грубая сила?», направленную против того, что тогда называли «экономическим террором», то есть убийств хозяев, управляющих заводов, инженеров и других служащих. Само по себе появление статьи указывает на актуальность проблемы. «За последнее время в рабочих массах имеет успех проповедь грубой силы, бомбы, кинжала, так называемая проповедь действием», – писал Спандарян, убеждая читателей, что «такая проповедь такого действия – не что иное как отрывка мелкобуржуазной идеологии, и она очень и очень далека от подлинного пролетарского социализма»¹⁹. Больше года спустя И. Джугашвили написал для газеты «Гудок» статью «Экономический террор и рабочее движение» (опубликована без подписи 30 марта 1908 г.).

¹⁴ Согласно биографической хронике в собрании сочинений, переезд состоялся в первой половине июня (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 2. М., 1946. С. 408), однако указание на эту дату могло быть ответом на известные подозрения в его причастности к тифлисской экспроприации. А. В. Островский считал, что переезд состоялся не позднее 17 июля, так как в этот день Джугашвили выступал на митинге в Баку (*Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина?* С. 258).

¹⁵ *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 2. С. 46–77.

¹⁶ Из описи вещественных доказательств, изъятых при обыске в Бакинской типографии РСДРП, 27 июля 1907 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 204. Д7. 1907. Д. 5185. Л. 4–16 об.).

¹⁷ Среди наследия С. Шаумяна, также публициста и участника съезда, статьи о Лондонском съезде не значится; см.: *Бахиян Т. С., Оганесян Д. А. Степан Шаумян (1878–1918)*. Библиографический указатель /предисл. и ред. Х.А.Барсегяна. Ереван, 1979. С. 302.

¹⁸ Van Ree E. Reluctant Terrorists? Transcaucasian Social-Democracy? 1901–1909. P. 146–148.

¹⁹ *Спандарян С. С. Статьи, письма, документы*. М., 1982. С. 69.

Пафос статьи несильно отличался от написанного Спандаряном год назад: «Нет, товарищи! Нам не пристало пугать буржуазию отдельными набегами из-за угла – предоставим заниматься такими «делами» известным налетчикам. Мы должны *открыто* выступить против буржуазии, мы должны *все время, до окончательной победы*, держать ее под страхом! А для этого требуется не экономический террор, а крепкая массовая организация, могущая повести рабочих на борьбу»²⁰. 15 мая 1908 г. С. Г. Шаумян в «Бакинском пролетарии» также выпустил статью со схожим названием «Классовая борьба и экономический террор», где констатировал, что «экспроприации и экономический террор обнаруживают тенденцию свить себе гнездо в рабочих массах», и уверял, что террор выгоден исключительно самодержавию и ведет к его укреплению, так как на место убитых приходят еще более реакционные деятели. «Потеряло ли что-нибудь царское правительство, когда убили Плеве? Наоборот, оно приобрело Столыпина»²¹.

С. Гафуров, сделав ремарку, что прежде террор допускался «только с разрешения Бакинского комитета, по отношению к тем лицам, которые [...] открыто борются и душат революционное движение», рассказал о прениях по этому поводу летом 1907 г. на межрайонном рабочем собрании после сообщения Кобы о резолюции Лондонского съезда. «Товарищ Сталин, сидя не то на тумбочке среди мастерской, не то на паровом насосе, спокойно следил за ходом прений. Прения протекали бурно», большинство было за «отмену террора», но группа молодых партийцев, среди них Гафуров, не принимала этой меры. «Мы подошли к тов. Сталину и спросили: «Как же, тов. Коба, когда ни чем не стесняясь, открыто борются, душат революционное движение, как же не применять к таким лицам террор?» Товарищ Сталин нам ответил: «Ну вот, возьмем управляющего Московско-Кавказского товарищества. Он такой человек, как вы говорите, он ничем не стесняясь, душит революционное движение. Вы его уберете, а вместо него придет другой – еще хуже, этого уберете – третий придет, а таких сволочей сколько угодно. Таким путем нельзя достигнуть нашей цели освобождения рабочего класса. Единственная возможность достигнуть этого только путем организованной борьбы». И товарищ Сталин указал нам дальше, что нам нужно делать для организации рабочих. После этого мы единодушно решили отменить террор»²². Очень сходны воспоминания И. В. Бокова: «С нашей стороны были случаи единичных террористических актов, как в отношении нефтепромышленников, так и в отношении черной сотни, – признавал мемуарист. – Но тов. Коба нас предупредил, что мы этого делать не должны и не имеем права, ибо наша тактика исключает единичный террор, это только дает повод социалистам-революционерам разжигать больше страсти против большевиков» (см. док. 11).

Примечательно, что И. Джугашвили не стал прибегать к аргументам морального порядка, сыгравшим решающую роль при обсуждении вопроса на V съезде РСДРП, не стал говорить, что террористические акты и экспроприации наносят урон репутации партии. Он неплохо знал своих слушателей и предпочел рассуждать о практической нецелесообразности таких действий. Впрочем, тон, в котором он упомянул резолюцию о партизанских выступлениях в своей статье, дает понять, что, формально подчиняясь решению съезда, сам Коба относился к нему скептически. Он подчеркнул, что резолюция эта меньшевистская и для большевиков принципиальной ценности не представляла: «Из меньшевистских резолюций прошла только резолюция о партизанских выступлениях, и то совершенно случайно: большевики на этот раз не приняли боя, вернее не захотели довести его до конца, просто из желания «дать хоть раз порадоваться тов. меньшевикам» (см. док. 10). Выказав видимость уважения решению съезда, Джугашвили довольно легко смирился с тем, что в Баку оно исполняться не будет.

²⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. С. 112.

²¹ Шаумян С. Г. Избранные произведения. Т. 1. 1902–1914 гг. М., 1978. С. 255.

²² Из воспоминаний Сибгата Гафурова, 1935 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 129–130).

Жизни без террора и политических убийств бакинские большевики представить себе не могли. Боевую дружину все же распустили, но немедленно придумали, как восполнить ее отсутствие. Метод проясняется в рассказах А. Г. Рогова, бывшего слесаря и будущего наркома путей сообщения РСФСР, одного из руководителей восстания рабочих железнодорожных мастерских в Красноярске в 1905 г., бежавшего из тюрьмы и явившегося в Баку под кличкой Тимофея Рябова. Рогов как профсоюзный работник по поручению Алеши Джапаридзе и Сашки Самарцева организовал артель («коммуну») из двух десятков безработных членов союза. Артель по партийной линии была прикреплена к району Сабунчи, где после ее появления образовалось преобладание большевиков над меньшевиками и последние были вытеснены из районного комитета. «Нелегальная подпольная работа периодически ставила вопрос об охране этой работы. Время от времени выносились смертные приговоры тому или иному обнаруженному провокатору. Для приведения их в исполнение организация прибегала к добровольцам», каковыми и служили участники группы Рогова²³. Провокаторами, не вполне точно употребляя это слово, революционеры именовали полицейских осведомителей. Достоверно знать, кто именно является осведомителем, участники подполья, конечно же, не могли. Предателей в своей среде они старались вычислять, соотнося провалы и аресты с кругом тех, кто мог знать провалившиеся адреса, работников и проч. Заподозрив кого-то из своей среды, за ним некоторое время пристально наблюдали: не произойдут ли еще провалы, которые можно увязать с этим человеком. Придя на основании такого рода умозаключений к выводу, что подозрения подтверждаются, сотоварищи по подполью заманивали этого человека в удобное, укромное место и убивали. Рогов описал такое убийство, осуществленное прямо в тюрьме, обрисовав весь его механизм: возникновение подозрений, обвинение, проверка, вынесение приговора (см. гл. 16, док. 2). Так же был убит в июле 1907 г. активный деятель «Гуммет» М. Г. Мовсумов (Сеид), впоследствии доказательств реальности его вины так и не нашлось.²⁴ В литературно обработанном виде такого рода убийство описано в автобиографическом романе Павла Бляхина «Дни мятежные», изданном уже после XX съезда КПСС на волне обновленного революционного романтизма. Бляхин был старым большевиком и в 1904–1905 гг. действовал как раз в Баку. О ликвидации провокатора он пишет как о доблестном, смелом акте. Жандармы со своей стороны вели работу по защите агентуры и продумывали стратегию арестов и обысков так, чтобы отвести подозрения от настоящих осведомителей. Вопрос о том, часто ли подозрения в провокаторстве оказывались обоснованными и выдерживают проверку обращением к архивам полиции, как велико было число напрасно обвиненных и убитых, остается неясным.

Заподозренные в сотрудничестве с полицией были не единственной группой риска, устраняли и должностных лиц, мешавших партийным активистам. Рогов привел случай, когда работавший в районе Белого города член Бакинского комитета, известный под кличкой Апостол (Гванцаладзе), обратился к нему с предложением «изъять» управляющего одного из заводов, который особенно мешал революционерам, «в течение последних трех месяцев систематически прибегал к помощи охраны для изъятия с завода нашей публики, делал облавы в моменты собраний с целью задержки на заводе докладчиков от Бакинского комитета. Ввиду этого белгородские партийцы поставили вопрос перед Бакинским комитетом об убийстве управляющего». Поскольку взяться за убийство вызвались все члены артели Рогова, провели жеребьевку. Жребий пал на него самого. Он отправился в правление завода с конвертом, который якобы следовало вручить, и застрелил управляющего, охранника-ингуша и сторожа²⁵. Несомненно, этим деянием Рогов гордился, раз поместил его в свои мемуары.

²³ Рогов А. На революционной работе в Баку // Каторга и ссылка. 1927. № 6(35). С. 103.

²⁴ Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. Баку, 1997. С. 52.

²⁵ Рогов А. На революционной работе в Баку. С. 103–104.

В последующем террор не утих, и 21 апреля 1909 г. исполнявший обязанности начальника Бакинского ГЖУ ротмистр Зайцев доносил в Департамент полиции, что «в течение минувшего года революционерами приведено в исполнение 23 смертных приговора, при чем убит 1 пристав, 2 помощника, из них один Елисаветпольской полиции, 3 околоточных надзирателя и 17 городских»²⁶. Конечно, эти смерти были на счету не только у социал-демократов, но и у представителей других партий (дашнаков, эсеров, максималистов, анархистов).

Примечательно, что, возражая против террористических актов, И.Джугашвили приводил пример бессмысленности убийства представителей именно этой категории должностных лиц. Авторы воспоминаний нигде не говорят, чтобы он спорил с практикой убийств отступников из своей среды, предполагаемых провокаторов. Имеет смысл серьезно отнестись к свидетельству И.Вацека, связанного с подпольной типографией в Баку, что именно благодаря конспиративному опыту и бдительности Кобы «нам удастся выявить нескольких провокаторов» и тем уберечь типографию от провала (см. док. 18).

И. В. Боков и А. Рогов признавали, что вследствие решения Лондонского съезда боевая дружина в Баку была распущена, однако некоторое время спустя восстановлена под предлогом необходимости в самообороне. Жандармское донесение о дебатах с меньшевиками относительно воссоздания боевой дружины датировано уже серединой сентября 1907 г. (см. док. 14). Получается, что дружина формально не существовала между концом июня и началом сентября. Между тем в начале июля чинам бакинского охранного пункта удалось агентурным путем добыть целых 500 экземпляров устава местной боевой дружины РСДРП на грузинском языке²⁷. Такое количество экземпляров может указывать на перехваченный свежий тираж (с обыском в подпольной типографии в конце июля это не связано), что плохо согласуется с решением о роспуске дружины²⁸.

В уставе организационные основания дружины и обязательства дружинников были прописаны достаточно подробно. Боевая дружина существовала обособленно от Бакинского комитета. Это объяснялось требованиями конспирации, на деле же еще и развязывало руки руководителям дружины, одновременно освобождая комитет от полной ответственности за ее действия. Дружина имела собственную независимую кассу, с условием, что «сама собирает деньги и изыскивает средства *непосредственно*» (параграф 17 устава). Что за этим стояло, можно только догадываться, однако экспроприации запрещались (пункт 4 параграфа 33). Видимо, запрещались прямые грабежи и налеты на банки, но оставались разные варианты угроз и вымогательств.

От дружинников требовалось умение обращаться с оружием, являться по условному сигналу в пятиминутный срок (пункт 23), быть дисциплинированными. Покинуть дружину было не так просто, на это требовалось согласие районного совета, которому надо было изложить причины ухода. В уставе имелся раздел «О дисциплинарной части» с перечнем проступков, подлежащих дисциплинарному наказанию. Оно назначалось за нарушения устава, отказ исполнять распоряжения командира, растрату имущества дружины, разглашение ее секретов, за разгул и пьянство; ему подлежали «все шпионы, изменники и т. п.», а также «те, которые окажутся неисправными». На понятное недоумение, какие дисциплинарные наказания в принципе могли существовать в нелегальной организации, ответ находится в пункте 34, который гласит просто и ясно: «К казни приговаривает районный совет» (см. док. 13).

Запрет на экспроприации не случайно был оговорен отдельным параграфом устава. Из всех разновидностей акций, подразумевавшихся резолюцией Лондонского съезда под «парти-

²⁶ Донесение временно исполняющего должность начальника Бакинского ГЖУ ротмистра Зайцева в Департамент полиции, 21 апреля 1909 г., № 2021 (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 239. ОО. 1909. Д. 80. Ч. 3. Л. 22).

²⁷ Донесение заведывающего особым отделом канцелярии наместника на Кавказе полковника Бабушкина в Департамент полиции, 5 июля 1907 г. (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 70).

²⁸ Van Ree Erik. Reluctant Terrorists? Transcaucasian Social-Democracy? 1901–1909. P. 141–142.

занскими выступлениями», только экспроприации были действительно всерьез воспрещены бакинской большевистской организацией. Для этого имелись веские причины. Чем больше революционеры погружались в террор и сомнительные махинации, чем тоньше становилась граница, отделяющая их от обыкновенных бандитов, тем больше они заботились о том, чтобы подчеркнуть наличие этой принципиальной разницы между собой, политическими, и обычными уголовными преступниками. Это требовалось не только ради репутации движения, но и в сугубо практических целях, особенно же важно было отстоять свой политический статус, оказавшись в тюрьме. Поэтому экспроприации как наиболее одиозные и откровенно грабительские акции попали под запрет в отличие от других, более изощренных способов пополнения партийных касс.

Став на путь политических убийств и сопряженного с ними революционного рэкета, революционные комитеты оказывались в положении любой банды рэкетиров, в обязанности которой входит заодно защита своих данников от других бандитских групп. Баку с его нефтяными доходами и слабой полицией превратился в арену борьбы разнообразных бандитских группировок, втянулись в нее в силу логики вещей и большевики. Об этом проговорился в мемуарной статье, и не где-нибудь, а в юбилейном сборнике к 25-летию бакинской организации, большевик

А. Рохлин. «Представители крупнейших фирм не раз и не два вносили деньги на те или иные нужды партийной организации (наша большевистская организация, нечего греха таить, не брезгала и этим источником дохода [...]). Те же крупнейшие фирмы не раз и не два искали у нас защиты [...] от приставаний и налетов разного рода „эксистов“, борьбу с которыми пришлось вести и нам [...], конечно, не теми дикими и безобразными мерами, какими с ними боролись дашнаки, одно время истреблявшие их на улицах среди белого дня» (см. док. 48). Что бы ни думали в далекой Европе партийные лидеры, но в Баку обходиться без собственных боевиков не представлялось возможным.

Вопрос о возобновлении боевой дружины под видом «организации самообороны» поднимался большевиками на собраниях в бакинских районах уже в начале сентября. Об одном из таких собраний подробно информировала агентура Розыскного пункта. Район в донесении назван не был, сообщалось, что присутствовали 65 делегатов, каждый от 5 членов партии (значит, общая численность партийной организации этого района превышала 300 человек), из них 39 большевиков. Меншевики возражали, ссылаясь на решения Лондонского съезда, «отрицали даже право возбуждать такой вопрос» и требовали вместо этого сосредоточить внимание на «обсуждении плана предвыборной кампании как главного вопроса дня» (речь шла о подготовке к новым думским выборам после роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г.). Большевики численно преобладали, поэтому решение о создании отрядов самообороны было принято, а организацию их постановили поручить межрайонной комиссии. Были выбраны представители от районов в эту комиссию, от Биби-Эйбатского района был избран «профессионал Коба» (см. док. 14). Это подтверждает рассказ И. В. Бокова о том, что Коба имел непосредственное отношение к возобновлению боевой дружины²⁹. Боков вспоминал, как «на одном из маленьких заседаний на скале был задан тов. Кобе нами вопрос о необходимости самозащиты в районе от хулиганов и погромщиков». В совещании участвовали восемь человек, Коба согласился на создание боевой дружины, «но с тем, чтобы не производить единичных террористических актов, а служить как бы угрозой в отношении нефтепромышленников и черной сотни». Видимо, тогда же возник вопрос об оружии. «Было вынесено предложение меньшевиком-интернационалистом Андреем Вышинским о том, чтобы достать оружие у полиции и жандармерии. Мы это практиковали и так, обрезывали у пьяных полицейских револьверы и забирали их себе. Вышинский нам достал несколько бомб и револьверов» (см. док. 11).

²⁹ О роли И. Джугашвили в возобновлении боевой дружины см.: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 261.

Таким было начало знакомства и сотрудничества Иосифа Джугашвили с будущим прокурором СССР, государственным обвинителем на больших процессах, министром иностранных дел и постоянным представителем СССР при ООН А. Я. Вышинским. Неудивительно, что в сталинское время ему не ставилось в упрек давнее членство в меньшевистской фракции.

Между тем на упомянутом районном депутатском собрании в начале сентября 1907 г. также обсуждался вопрос об оружии, причем «выяснилось, что Бакинская организация израсходовала на приобретение оружия около 80 тысяч рублей и в настоящее время владеет 76 револьверами систем „Маузер“ и „Браунинг“, 170 винтовками разных систем и некоторым количеством бомб, что совершенно не соответствует такой затрате. Определилось также, что до сего времени еще не имеется никакой отчетности о порядке израсходования упомянутой выше суммы и такой отчет постановлено затребовать от „штаба боевой дружины“»³⁰ (см. док. 14). Чем кончилось дело с проверкой трат, входили сюда новые закупки или речь идет о тратах, сделанных для прежней дружины, действовавшей до роспуска летом 1907 г., и куда девалось принадлежавшее ей оружие, остается неясным. Поскольку боевики преимущественно хранили оружие у себя, возможно, оно так и осталось у участников распущенной дружины. Как утверждал С. Гафуров, имея в виду ту дружину, которая была создана осенью 1907 г., «комитетского оружия для боевой дружины не хватало. Предложили нам приобретать за свой счет, что мы и делали» (см. док. 12).

Описанные дебаты в начале сентября проходили с участием меньшевиков, ведь комитеты были едиными. Меньшевики настаивали на том, чтобы сосредоточить усилия на подготовке к думским выборам. Хотя большевики не придавали этому вопросу того же значения, однако наказ будущим социал-демократическим депутатам III Государственной думы от Баку был написан И. Джугашвили и принят на собрании уполномоченных от рабочей курии 22 сентября. Основной задачей социал-демократической фракции было объявлено «содействие классовому воспитанию и классовой борьбе пролетариата [...] для освобождения трудящихся от капиталистической эксплуатации», а любые тактические блоки с представителями буржуазных партий недопустимыми³¹. Результаты выборов убедительно показали, что линия была выбрана неудачно. Рабочие устали не только от социал-демократов, но и от всех радикальных партий вообще, к тому же роспуск одного за другим двух составов Государственной думы вряд ли способствовал энтузиазму избирателей. К выборам рабочие отнеслись апатично, на первом этапе большинства не набрала ни одна партия, а при повторном голосовании 55 % голосов получил Союз русского народа³². Нет прямых свидетельств, как восприняли социал-демократы свой провал на выборах, да еще и успех черносотенцев. Можно предположить, что большевикам легче было с ним смириться, раз они исходно не придавали думским выборам особого значения. Другое дело, что угроза со стороны черносотенцев служила отличным аргументом в пользу необходимости иметь боевую дружину.

Летом 1907 г. на собраниях по обсуждению результатов V съезда РСДРП большевики убедились, что достигли если не численного перевеса, то по крайней мере солидного меньшинства. По оценкам советских исследователей, к осени 1907 г. из 2500–2600 членов бакинской организации две трети шли за большевиками³³. Эта цифра численности членов партии кажется завышенной, ведь при избрании делегатов на Лондонский съезд в выборах в Баку приняло участие около 1300 человек. Сомнительно, чтобы организация количественно удвоилась

³⁰ См. также об этом собрании: Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 51–52 (автор опирается на цитируемый док. 14).

³¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. С. 78–80.

³² Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 62.

³³ Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 68. Свой анализ соотношения сил фракций и перехода комитетов от меньшевиков к большевикам дал Р. Г. Суни (Sury R. G. A Journeyman for the Revolution: Stalin and the Labour Movement in Baku, June 1907 – May 1908. P. 373–394).

за полгода, к тому же в условиях общего спада революционного движения. Азербайджанский историк И. С. Багирова полагала, что в Баку в 1906 г. было 780 большевиков и 300 меньшевиков, в 1907 г. – 500 большевиков и 1000 меньшевиков, максимума число членов РСДРП достигало в 1908 г. – до 3000 человек, затем резко снизилось³⁴. Как бы то ни было, большевики почувствовали, что могут иметь большинство, и повели дело к перевыборам районных и городских комитетов, чтобы взять их под свой контроль. Об этом емко рассказал Г. К. Орджоникидзе. «Сразу стало ясно, что меньшевики не выдержат боя; мы их стали вытеснять из всех районов; крепко держались они только в городском районе. Но беда была в том, что партаппарат – Бакинский Комитет и большинство районных комитетов – был в руках меньшевиков. Надо было отвоевать его у них. Имея большинство в организации, мы потребовали созыва конференции. Меньшевики отказались. Тогда мы, переизбрав районные комитеты, выступили от имени четырех пролетарских районов (Балаханов, Сабунчей, морского и Биби-Эйбата) и попробовали взять на себя инициативу созыва конференции. Нашим четырем районам они противопоставили законный комитет и объявили нас раскольниками»³⁵. Обе фракции попытались собрать межрайонные конференции, большевики обвиняли меньшевиков в изобретении особого способа подсчета голосов³⁶. Но и большевики, заявлявшие о перевесе голосов в свою пользу, добивались его специфическими мерами. И здесь пригодилась группа А. Рогова, так называемая Балаханская коммуна, из 11 человек. Помимо описанных выше убийств у них была и другая задача: «С прикреплением нас к Сабунчам, мы вытеснили оттуда меньшевиков и закрепили влияние за большевиками»; «наша коммуна в Балаханах была одной из подвижных групп у Балаханского комитета большевиков. Использовали ее для вытеснения из подрайонов меньшевиков, так как территориально мы могли входить в любой из подрайонов Балаханской организации»³⁷. Получается, что численный перевес большевики создавали, перемещая такие группы с одного собрания на другое. Члены группы Рогова были арестованы в ночь на 4 сентября 1907 г., стало быть, их деятельность протекала летом того года.

В результате обоюдных интриг и претензий большевики создали свои, избранные по районам комитеты, но и меньшевики свои распускать отказались. Таким образом, в Баку образовались параллельные комитеты и фракции повели отдельное существование, как две разные партии.

Меньшевики обвинили большевиков в раскольничестве, для разбирательства в начале 1908 г. была прислана комиссия ЦК РСДРП, состоявшая из Ноя Жордания и К. Данишевского (Германа). Они же должны были побывать в Тифлисе для расследования экспроприации на Эриванской площад³⁸. В Баку их миссия не задалась. Для местных большевиков латышский социал-демократ Данишевский был фигурой нейтральной, а вот «Жордания для нас был фракционный противник-меньшевик, и больше ничего» (Орджоникидзе)³⁹. Конференция, устроенная в читальне Народного дома для обсуждения дела в присутствии членов комиссии, закончилась трагикомически: здание окружили жандармы, участники заседания спаслись от ареста, выломав двери в соседнее помещение театра, где шел спектакль, и смешавшись с публикой. Жордания и Данишевский, опасаясь ареста, немедленно отбыли в Тифлис⁴⁰. Бакинские большевики, в свою очередь, в марте 1908 г. от имени созданной ими конференции обратились в

³⁴ Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 53, 332 (сводная таблица).

³⁵ Орджоникидзе С. Борьба с меньшевиками (1907 г.) // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 43–44.

³⁶ Акиндинова Т. Из истории бакинской организации большевиков (1907–1909) // Пролетарская революция. 1940. № 4. С. 64–97.

³⁷ Рогов А. На революционной работе в Баку. С. 126.

³⁸ Николаевский Б. И. В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. С. 7–10.

³⁹ Орджоникидзе С. Борьба с меньшевиками (1907 г.) С. 43–44.

⁴⁰ Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 68–69.

ЦК с протестом против действий меньшевиков⁴¹. Листок с текстом этого протеста был найден у И. Джугашвили при аресте в конце марта, но написан он не его рукой⁴² (см. док. 56). На том дело и кончилось. Организационный раскол и отдельные комитеты большевиков и меньшевиков сохранялись в Баку до самой революции.

Работавшие в городе профессиональные революционеры были распределены по районам, на районном уровне происходила основная деятельность. И. Джугашвили работал в районе Биби-Эйбат. По воспоминаниям Н. Колесниковой, «... в Балаханы были направлены Алеша, Буду, Слава, Саратовец; на Биби-Эйбат – Коба и Петербуржец; в Черный город – Тимофей⁴³ и пишущая эти строки, жившая в то время под именем Ольги Александровны Тарасовой, в Белый город – Апостол. Степан остался в городе с тем, чтобы обслуживать докладами важнейшие собрания во всех районах и затем нести главнейшую работу по редактированию партийного органа» (см. док. 8). П.Д. Сакварелидзе, впрочем, полагал, что Алеша Джапаридзе и Шаумян оба работали в Балаханах (см. док. 7). Возможно, мемуаристы вспоминали разные отрезки времени.

Шаумян перебрался в Баку одновременно с Джугашвили, до того он также бывал там лишь наездами. Они были ровесниками, оба долго работали в большевистских организациях в Тифлисе, оба ленинцы, оба занимались партийной печатью и публицистикой (Шаумян ставил армянскую социал-демократическую печать и писал для армянской аудитории на армянском языке), оба писали статьи по национальному вопросу, оба делегаты IV и V съездов РСДРП, и даже оба к тому моменту были женаты и привезли семьи в Баку. Наконец, можно считать, что у обоих в прошлом были проблемы с отцом: Шаумяну пришлось бросить университет и вернуться домой, поскольку его отец попал в тюрьму за покушение на убийство (впрочем, дело уладили). Однако имелись и различия. Шаумян в ряде отношений был не в пример удачливее и, видимо, обладал личным обаянием, несвойственным Кобе. Сын мелкого тифлисского торговца, он окончил городское реальное училище, потом поучился в Петербургском технологическом институте, Рижском политехническом (в каждом около года), в Берлинском университете, хотя курса нигде не окончил. Отправиться в университет он смог благодаря стипендии, полученной от нефтепромышленника Манташева, сыну которого давал уроки как репетитор. Манташев даже не прочь был выдать за Шаумяна дочь (девушка им увлеклась), да тот уже влюбился в свою будущую жену и от выгодного брака отказался. Это не поссорило его с благодетелем, который года четыре спустя снова выделил ему стипендию для учебы в Берлине, на этот раз на философском факультете по отделению государственного права. К тому моменту Шаумян уже был социал-демократом, из рижского института его выгнали за участие в студенческой забастовке, и вряд ли это было неизвестно Манташеву. Нетривиальна и дружба армянина Степана Шаумяна с богачом-мусульманином Бейбутом Джеванширом. Они были товарищами по реальному училищу, Джеваншир затем окончил Горную академию в немецком Фрибурге и получил в Баку должность управляющего нефтяными предприятиями «Нобель». Шаумян, переехав в Баку, в мае 1908 г. устроился заведующим Народным домом, но был оттуда уволен как неблагонадежный. В сентябре того же года с помощью Джеваншира он был определен на место заведующего нефтепроводом Шибаева в Балаханах. Таким образом, Шаумян совмещал в высшей степени респектабельную легальную жизнь с подпольной работой. О последней Джеваншир, несомненно, знал, так как именно он в мае 1909 г. дал взятку ротмистру Зайцеву для освобождения арестованного Шаумяна из тюрьмы. В революционные годы Джеваншир стал министром мусаватистского правительства, но его полезная дружба с Шаумяном осталась

⁴¹ Николаевский Б. И. В преддверии полного раскола. Противоречия и конфликты в российской социал-демократии 1908–1912 гг. С. 8; Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 69.

⁴² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 13–13 об.

⁴³ Тимофей – С. Спандарян, Степан – С. Шаумян.

нерушимой. В 1918 г. он спас от казни нескольких близких к Шаумяну большевиков, включая Ольгу Шатуновскую; в свою очередь, Шаумян спасал дом Джеваншира от революционных погромов. Как ни странно, при советской власти судьба Бейбута Джеваншира сложилась вполне благополучно, он остался в Баку и занимал разные должности средней руки⁴⁴.

Г. Уратадзе, сравнивая между собой тифлисских большевиков, сделал одно существенное замечание относительно Шаумяна. «Лучше всех был бы Шаумян, но он не был из кадра „профессиональных революционеров“, а таковым почти невозможно было стать лидером. Он был почти „легальный человек“, служил в легальных учреждениях и не слишком старался „потерять место“. Правда, он принимал активное участие в движении, но не как „профессионал“. Под конец и он стал «профессионалом», но было уже поздно. Оставалось слишком мало времени, чтобы заслужить лавры на лидерство»⁴⁵. По мнению Уратадзе (убедительно опровергнутому событиями, но отчего-то сохранившемуся в его сознании), по меркам подпольной среды Шаумян не мог претендовать на лидерство. Действительно, в Тифлисе он служил в Авлабарской прогимназий⁴⁶, а положение заведующего нефтепроводом в Баку вводило его в круг состоятельной городской буржуазии. На фотографии, сделанной после ареста в 1911 г., Шаумян одет в прекрасно сидящий костюм-тройку, с белоснежным крахмальным воротничком и элегантным галстуком. Тем не менее вопреки мнению Уратадзе это положение ничуть не помешало Степану Шаумяну очень быстро выдвинуться в большевистского лидера Баку. 25 октября 1907 г. ночью на заводе Хатисова на общегородской конференции большевиков был выбран новый, большевистский Бакинский комитет, и возглавил его Шаумян. Он обошел даже Алешу Джапаридзе, давнего признанного вожака бакинских большевиков. Документальные источники не объясняют, на чем именно основывался столь стремительный успех Шаумяна, проработавшего в Баку не более пяти месяцев. Он, несомненно, был человеком приятным, особенно в женских глазах. О его «обаятельном образе», который «никогда не изгладится из памяти», вспоминала Н. Аладжалова: «...мягкий, проникновенный голос, спокойный взгляд голубых с синевой глаз, душевный смех»⁴⁷. Однако для успеха партийного вожака одного личного обаяния недостаточно. Чем Шаумян покориł местных партийцев, в чем превосходил товарищей, ведших жизнь настоящих подпольщиков, не известно.

Не известны и подробности взаимоотношений Степана Шаумяна с Иосифом Джугашвили в этот период. По-видимому, они работали бок о бок в добром согласии. Вместе были на Лондонском съезде, жили там в одной комнате, писали в одни и те же газеты и совместно их редактировали, сменяли друг друга как докладчики в кружках. Если между ними и существовало какое-то соперничество, то в документальных источниках оно не отразилось. Но Джугашвили полностью принадлежал подполью. «Коба чувствовал себя в подполье, как в родной стихии. Без нее ему было скучно, пусто и неинтересно» (М. Эфендиев) (см. док. 32, 29).

И. Джугашвили был умелым конспиратором, что отмечали многие (см. док. 33). Возникает, конечно, вопрос, на какие средства он жил в Баку, тем более с семьей. При аресте весной 1908 г. он заявил, что служил конторщиком в Союзе нефтепромышленных рабочих, а также являлся корреспондентом газеты «Гудок» (см. док. 53). Арестован он был с паспортом на имя К. Нижерадзе, паспортом настоящим, не фальшивым (во всяком случае, жандармы его фальшивым не сочли), выданным кутаисской полицией 7 апреля 1906 г. С таким паспортом, если полиция и филеры не знали человека в лицо, можно было жить практически легально. По собственным его показаниям, Джугашвили провел в Баку восемь месяцев к моменту ареста (см. док. 53) и восемь месяцев назад купил этот паспорт (см. док. 58). Это близко к реальности:

⁴⁴ Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 5, 13–16, 30, 73, 76–77.

⁴⁵ Уратадзе Г. Воспоминания грузинского социал-демократа. С. 210.

⁴⁶ Акопян Г. С. Степан Шаумян. Жизнь и деятельность. С. 65.

⁴⁷ Аладжалова Н. Н. Из большевистского подполья. Воспоминания. Тбилиси, 1963. С. 52.

от его переезда в Баку в июне-июле 1907 г. до ареста в конце марта 1908 г. прошло около девяти месяцев. Все ли это время он служил конторщиком при рабочем профсоюзе или жил также на партийные деньги, судить сложно. Партия обычно платила пособие нелегалам, которые не могли найти работу. П. Д. Сакварелидзе вспоминал, что случались периоды безденежья, когда «касса организации главарям своим могла давать в месяц только по восемнадцати рублей» (см. док. 31). Учитывая солидные суммы, попусту растраченные при покупке оружия, следует заключить, что у Бакинского комитета случались и благополучные времена. Как бы то ни было, ничто не указывает на то, чтобы Коба с появлением денег менял образ жизни. Сакварелидзе рассказал, что, если случались кое-какие деньги, их совместно проедали в одном из ресторанов, причем Коба придумал для этого забавлявшее их словечко «уклонение», перенося на бытовую сферу привычный лексикон партийных дискуссий (он часто пользовался этим словом в статьях и выступлениях – оппоненты «уклоняются от истины»). За столом, бывало, пели грузинские песни (см. док. 31). В остальное время он питался по обыкновению без затей. По словам квартирной хозяйки Алексеенко, «питался он не у нас», то есть не брал у нее готовый обед, «а покупал консервы, колбасы и пр.» (см. док. 23). М.Эфендиев рассказал, что «Кобе обедать было негде да и некогда», поэтому, живя по соседству, они довольствовались тем, что покупали хлеб в бакалейной лавке, иногда также виноград, причем Коба подшучивал над привычкой товарища мыть виноград, называя это буржуазными предрассудками (см. док. 30).

Демонстративная нелюбовь ко всякого рода буржуазности по-прежнему проявлялась в бытовых привычках И. Джугашвили, небрежной простой одежде, неприхотливости в быту. Точно так же он продолжал выказывать и насмешливое пренебрежение к культурным манерам, подчеркивающим образованность и связанный с ней статус. И это по-прежнему располагало к нему рабочих. «Сталин терпеть не мог высокопарных слов. Он всегда писал и говорил коротко и твердо и придерживался простого построения речи и ясных выражений. Он советовал т.т. во время своих выступлений среди рабочих избегать интеллигентских, патетических выражений, испещренных иностранными словами, он ругал одного товарища, который любил употреблять совсем не к стати слово „обуславливается“, или „обусловлено“, он говорил – наша партия массовая, выражайте свои мысли на понятном для масс языке»⁴⁸. Таким образом, Коба сохранил опробованную еще в Грузии тактику ведения партийных диспутов, дававшую ему возможность противопоставить себя меньшевистским ораторам. Бакинские партийцы отмечали его нелюбовь к сложным, непонятным простому рабочему словам и длительным речам (см. док. 33). Срабатывала и память Кобы на лица: он запоминал тех, с кем встречался даже мимоходом, и это не могло не подкупать. Уже в советское время М. Эфендиев утверждал, что Сталин «помнит всех тт., с которыми работал в Баку, их имена и фамилии; каждый раз он спрашивает меня про них, интересуется, кто где работает и как»⁴⁹.

Джугашвили, как и прежде, с помощью товарищей находил себе квартиры у надежных хозяев. Женитьба и семья вряд ли существенно повлияли на его образ жизни. Мало кто из видевших его в Баку упоминал о существовании Екатерины Сванидзе. Квартирной хозяйке Алексеенко, у которой Джугашвили жил, по ее словам, с первых чисел июня до сентября-октября, казалось, что «жена грузинка» квартиранта «тоже у нас жила, но немного, всего только неделю, после мы ее проводили в Тифлис» (см. док. 23). Возможно, Като Сванидзе действительно ездила к родным, но может быть, наоборот, тихо сидела дома и редко показывалась знакомым мужа. С. Аллилуев, побывавший у него в конце июля 1907 г. накануне своего отъезда в Петербург, вспоминал, что «Коба с женой жил в небольшом одноэтажном домике. Я застал его за книгой» (см. док. 22). Вместе с тем немногочисленные рассказы о повседневной

⁴⁸ Из воспоминаний М. Эфендиева (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 436–437).

⁴⁹ Там же.

жизни и привычках И. Джугашвили описывают исключительно повадки холостяка. Или семейная жизнь толком не сложилась, или рассказы относятся к тому времени, когда он уже овдовел.

По воспоминаниям родственников Монаселидзе, Като прожила с мужем в Баку около трех месяцев, в октябре он привез ее, больную, к родным в Тифлис, а сам вернулся в Баку. Она умерла 22 ноября, он присутствовал при ее смерти и на похоронах. Сын Яков остался в семье Сванидзе. Свидетели рассказывали, что Иосиф Джугашвили горевал по жене, которую любил. Это подтверждают два обстоятельства, остававшиеся до сих пор не замеченными. Весной 1908 г. он придумал себе новый псевдоним, статьи, помещенные в газете «Гудок» 2 марта и в апреле-мае, он подписал «К. Като», соединив инициал «К.» – «Коба» с именем покойной жены⁵⁰ (надо сказать, ему не единственному пришлось в голову произвести псевдоним от имени любимой женщины, примерно тогда же Сурен Спандарян, печатавшийся в тех же большевистских газетах в Баку, подписывался «С. Ольгин» – по имени жены⁵¹). Спустя несколько лет в Вологде Иосиф Джугашвили прочувствованно говорил о жене с гимназисткой Пелагеей Онуфриевой, возлюбленной его товарища по ссылке Петра Чижикова, с которой у Джугашвили установились приятельские и даже фривольные отношения. «Он в то время потерял жену и рассказывал, как жалел ее, как ее любил, как тяжело ему было переживать эту потерю. «От меня, говорит, все оружие отбирали, вот как мне было тяжело». Еще он говорил: «Я понял теперь, как мы иногда многого не ценим. Бывало, уйду на работу, не прихожу целую ночь. Уйду, скажу ей: не беспокойся обо мне. А прихожу, она на стуле спит. Ждала меня всю ночь». Онуфриева была кокетливой барышней, филеры наружного наблюдения придумали ей кличку Нарядная. Джугашвили рассказывал ей, что жена была портнихой: «Он мне часто говорил: „Вы не представляете, какие красивые платья она умела шить“» (см. док. 28). Кажется, это единственный зафиксированный случай, когда он обсуждал женские наряды.

Однако не заметно, чтобы семейная драма выбила Кобу из колеи и надолго отвлекла от революционной активности. В те же недели, когда болела Като Сванидзе, происходили собрания и конференции о перевыборах районных и Бакинского комитетов. В Баку выходили большевистские газеты, открывались, проваливались, открывались снова, переносились с места на место подпольные типографии⁵², с деятельностью которых И. Джугашвили был связан.

Он продолжал курировать деятельность партии «Гуммет», созданной Бакинским комитетом для вовлечения в социал-демократию мусульманского населения. Через приходивших в Баку на заработки персидских подданных «Гуммет» распространял свою деятельность на сопредельную территорию, и это приобрело особое значение после того, как в Персии в 1905 г. началась революция. Социал-демократическая печать разъясняла бакинским рабочим, что с исходом персидской революции напрямую связаны перспективы их борьбы за улучшение условий и оплаты труда: бакинский рынок труда переполнен выходцами из Персии, готовыми довольствоваться самым малым, но если революция в Персии победит и эта страна станет на путь развития, то персидские крестьяне станут зажиточней, рабочие руки потребуются в их собственных городах и приток этой дешевой и нетребовательной рабочей силы в Баку прекратится⁵³. Из Баку персидские повстанцы получали нелегальную литературу, в бакинских типографиях печатали для них листовки, поставляли и оружие. С угасанием вооруженных выступлений в российском Закавказье в Персию устремились оставшиеся не у дел революционные боевики (муджахидины). Непосредственное участие в персидском восстании приняли, по данным азербайджанского исследователя, почти все гумметисты, увлекшиеся задачей освобожде-

⁵⁰ Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. С. 101, 127.

⁵¹ Спандарян С. С. Статьи, письма, документы. С. 79–81.

⁵² О действовавших в Баку типографиях РСДРП и выходивших там партийных газетах см.: Самедов В. Ю. Распространение марксизма-ленинизма в Азербайджане. Ч. 2. С. 312, 328–336, 390–394.

⁵³ Статья «События в Персии и бакинский рабочий рынок» в газете «Бакинский рабочий» № 1–2, 6 сентября 1908 г. (цит. по: Бор-Раменский Е. Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья. С. 40–44).

ния Южного Азербайджана. Особенно заметный поток листовок, оружия и добровольцев-боевиков потек в Персию с началом восстания в Тебризе в 1908 г. После поражения под Тебризом повстанцы в феврале 1909 г. сосредоточились в Реште. 14 февраля 1909 г. русский военный советник при персидском шахе полковник Ляхов оценивал число кавказцев в 500 человек, его сообщения в главный штаб Кавказского военного округа были весьма эмоциональны: «Смелость рештских революционеров доходит до того, что они даже останавливают нашу почту и осматривают ее. Дальше идти некуда. В Персию перекочат все закавказские боевики»⁵⁴. Число сражавшихся в Персии закавказских боевиков достигало 800, 50 из них погибли⁵⁵. Российская дипломатия поддерживала законную власть персидского шаха, при нем действовали русские военные советники, сыгравшие заметную роль в противостоянии повстанцам. От них поступали депеши, требовавшие от русских властей пресечь поставки оружия из Баку и Ленкорани, они серьезно тревожились из-за наплыва закавказских боевиков (см. док. 41, 42). Министерство иностранных дел требовало от кавказского наместника прекратить доставку в Персию боевиков и оружия (по сведениям МИД, транспортом служили пароходы бакинского миллионера Тагиева). Увлеченные успокоением Персии русские военные советники предлагали даже объявить боевикам амнистию в Российской империи, чтобы вернуть их домой⁵⁶. Вряд ли эта идея привела в восторг администрацию Закавказья, более всего обеспокоенную водворением порядка в собственных пределах, да и в Петербурге она не вызвала энтузиазма. Власти Российской империи, безусловно, предпочли избавиться от опасного элемента, а возникавшие у соседей неприятности волновали их значительно меньше, чем собственные.

Трудно сказать, в какой мере в деятельность, связанную с поддержкой персидского восстания, был лично вовлечен Коба. В Персии тогда и в следующие годы побывали многие знакомые ему партийцы – Б. Касумов, М.-Б. Ахундов (см. док. 36–38, 43), одним из отрядов в Реште позднее командовал Серго Орджоникидзе. Среди рассказов бакинских мемуаристов встречается даже утверждение, будто и сам Коба выезжал в Решт (по словам Мир Башира Касумова, «тогда товарищ Сталин был в Персии. Его отправили туда, и он помогал в этой революции до приезда самого шаха Мамед Али. Если мне память не изменяет, товарищ Сталин сам был в Реште, это было в начале 1905 года, он был там немало времени»/7), но оно не подтверждено никакими достоверными свидетельствами, не заметно и сколь-нибудь продолжительных отлучек Кобы из Закавказья. Так что такого рода сообщения представляются обычным преувеличением его роли. Он мог предпринимать какие-то шаги в Баку как член местного комитета РСДРП, обеспечивать изготовление листовок, но вряд ли его участие было более непосредственным.⁵⁷

На то, что смерть жены могла отвлечь его на какое-то время от революционной борьбы, может указывать только отсутствие в собрании сочинений Сталина работ, написанных осенью 1907 г. Лакуна видна между статьями «Надо бойкотировать совещание!», появившейся в газете «Гудок» 29 сентября, и «Перед выборами», вышедшей в той же газете 13 января 1908 г. Впрочем, он не был регулярно пишущим плодовитым автором, к тому же не все тексты были включены в собрание сочинений.

Названные статьи относились к развернувшимся в Баку осенью 1907 г. дебатам по весьма важному поводу. Власти, искавшие способа прекратить бесконечные забастовки и беспорядки в Баку, предложили провести переговоры нефтепромышленников с рабочими и заключить коллективные договоры. Инициатива принадлежала прибывшему из Петербурга либеральному чиновнику Н. Ф. Джунковскому (брату известного генерала В. Ф. Джунковского, московского

⁵⁴ Бор-Раменский Е. Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья. С. 63.

⁵⁵ Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 43.

⁵⁶ Бор-Раменский Е. Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья. С. 40–67.

⁵⁷ Из протокола общего торжественного собрания Азербайджанского общества старых большевиков в честь 50-летия Сталина, 20 декабря 1929 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 11).

вице-губернатора, будущего губернатора и командующего Отдельным корпусом жандармов), члену Совета наместничества на Кавказе, представителю от Министерства торговли и промышленности. Обе стороны предполагаемых переговоров имели уже свои организации. Нефтяные промышленники были объединены в Съезд нефтепромышленников, у которого был выбранный Совет. В то же время с осени 1906 г. действовал Союз нефтепромышленных рабочих. Учредителями его выступила в августе 1906 г. группа балаханских нефтепромышленных рабочих, учредительное собрание состоялось в октябре. По уставу членами его могли быть только рабочие, но ответственным секретарем Союза являлся Алеша Джапаридзе, И. Джугашвили служил конторщиком, таким образом, большевистское присутствие там несомненно. Союз настаивал на том, чтобы при забастовках выдвигать требования не только повышения оплаты, но и улучшения условий труда, восьмичасового рабочего дня, предоставления отпусков, объявления 1 мая нерабочим днем и т. д. Союз существовал на членские взносы в размере 2 % заработка. Первый год он объединял только балаханских рабочих, затем расширился на весь город, к лету 1907 г. насчитывал 3900 членов, а концу того же года – около 6 тысяч⁵⁸.

Джунковскому пришлось уговаривать обе стороны и убеждать их в пользу коллективного договора. Представители профсоюзов заявили, что не могут ничего решить без широкого обсуждения с рабочими, и городские власти даже выдали официальное разрешение на проведение собраний на территориях заводов, нефтепромыслов и в рабочих казармах, что было весьма смелой уступкой (см. док. 44). Столь неожиданно сильный шаг со стороны властей привел местные революционные организации в смятение. Власти перехватывали инициативу и явно намеревались вывести массы рабочих из-под влияния радикалов. Среди последних возникли споры и разброд мнений, как действовать в ответ. Если бы революционеров всерьез волновало положение рабочих, то совещание с нефтепромышленниками давало шанс на его существенное улучшение. Сложно переоценить, каким прогрессом мог быть коллективный договор. Более того, в случае удачи Баку мог бы послужить прецедентом для всей России.

За участие в совещании с нефтепромышленниками высказались шендрикковцы, меньшевики, против – эсеры, дашнаки и большевики. Они призывали к бойкоту совещания и немедленной забастовке. Большевики повторяли свой излюбленный постулат о том, что главной задачей является развитие у рабочих сознания непримиримости их интересов с интересами капиталистов и что никакой компромисс с капиталистами невозможен. Но идея забастовки провалилась тотчас, рабочие бастовать отказались и в массе были скорее склонны к совещанию. Большевикам, чтобы не упустить влияние, пришлось быстро менять тактику. Они придумали лозунг «совещания с гарантиями», то есть выдвинули ряд предварительных условий, на которых соглашались вести переговоры. Впоследствии советские авторы называли это «блестящим образцом осуществления на практике гибкой ленинской линии на сочетание нелегальной и легальной работы в условиях реакции»⁵⁹.

Абсолютного единства мнений среди большевиков не было. К. Захарова-Цедербаум вспоминала, что «среди большевиков были сторонники как полного бойкота (Сталин), так и условного участия в нем – при наличии „гарантий“, т. е. допущения на совещание представителей союзов, неприкосновенности уполномоченных и т. п. (Джапаридзе, Стопани, Самарцев, Германов-Фрумкин)» (см. док. 44). А. Стопани возражал ей в примечании к ее статье, что среди большевиков решительных бойкотистов не было, спор шел о том, чтобы оттянуть сроки начала совещания и воспользоваться разрешенными собраниями для пропаганды. Стопани соглашался с тем, что Сталин был на левом крыле бакинских большевиков. По замечанию Стопани, решительными бойкотистами были представители мелких фирм, которым был бы невы-

⁵⁸ Базиянц А. Возникновение и деятельность Союза нефтепромышленных рабочих (1905–1908 годы). М., 1955. С. 18–20. См. также: *Sinyu R. G. A Journeyman for the Revolution: Stalin and the Labour Movement in Baku, June 1907 – May 1908.* P. 373–394.

⁵⁹ Калтахчян С. Т. Борьба С. Г. Шаумяна за теорию и практику ленинизма. М., 1956. С. 80.

годен коллективный договор в любом виде⁶⁰. По воспоминаниям Г. К. Орджоникидзе, сначала большевики к идее совещания отнеслись «резко отрицательно, считали, что разговаривать с капиталистами нам неприлично», но после неудачи с забастовкой среди них возникли разногласия, «часть товарищей, во главе с Алешей Джапаридзе и Степаном Шаумяном, и раньше колебалась, а после неудачи забастовки окончательно стала за участие в совещании. Другая часть, во главе с Кобой Сталиным и Нико, стояла резко против совещания, но после неудачи забастовки тоже поставила вопрос о пересмотре старой позиции» (см. док. 45). Слова Орджоникидзе подтвердил И. Шитиков-Самарцев, также отметивший, что более левую линию проводил Коба – «он стоял за абсолютный бойкот совещания, выдвигая кампанию за выработку требований за общую забастовку»; на правом фланге были Алеша Джапаридзе, А. Стопани и сам Сашка Самарцев – они были «за совещание о коллективном договоре, но с гарантиями: это значило – признание союзов, удовлетворение ряда общих требований и пр.»⁶¹.

Основными требованиями были: отношение к рабочим как равноправной стороне; выбор рабочими момента начала совещания (странное на непосвященный взгляд требование на самом деле проистекало из сезонного характера вывоза нефти: летом во время навигации забастовка способна была нанести нефтепромышленнику значительно больший урон, чем зимой); свобода собраний и обсуждений; образование выбранными рабочими уполномоченными чего-то вроде постоянно действующего органа на все время совещания; руководство выборами со стороны профессиональных союзов, участие профсоюзов в совещании. Выдвижение этих условий, требование «гарантий» должно было выглядеть заботой об интересах рабочих, но на самом деле служило маскировкой намерения большевиков через профессиональные союзы сохранить за собой участие и возможность влиять на ход переговоров. Большевиков заботило соблюдение собственных интересов под видом защиты рабочих. Понимая это, противная сторона стремилась устроить процедуру так, чтобы разговаривать непосредственно с рабочими, а не с подменяющими их собой революционными интеллигентами.

При этом большевикам приходилось как-то отличать себя от конкурирующих партий, противопоставлять себя не только меньшевикам, но также дашнакам и эсерам, в одних случаях перехватывая их риторику, в других громогласно ее опровергая, притом что по существу позиции и тактика могли различаться не так уж сильно. Это сказалось на эволюции заявленной ими тактики бойкота. Из статьи И. Джугашвили «Надо бойкотировать совещание!», появившейся в газете «Гудок» 29 сентября 1907 г. (в самом начале «совещательной кампании») за подписью «Ко...», явствует, что в его понимании бойкот вовсе не означал отказа от участия в переговорах. Как раз в них предлагалось участвовать активно, чтобы затем сорвать работу самого совещания и любого договора с нефтепромышленниками «до борьбы», то есть не прибегая к забастовке, – это и будет бойкотом (см. док. 46). То есть Коба предлагал использовать повод для пропаганды, но в финале совещание сорвать. Прием этот был изобретен не им, он обсуждался как вариант тактики социал-демократов еще во время избирательной кампании в I Думу: участвовать в выборах для пропаганды и проверки своей популярности, но потом депутатов в Думу не посылать, дабы избежать упрека в сотрудничестве с буржуазией и царизмом. Сравнение лежало на поверхности, возможно, поэтому Джугашвили счел нужным разъяснить, что «ни в коем случае не следует смешивать тактику по отношению к Думе с тактикой по отношению к совещанию», это будто бы совершенно разные вещи, поскольку совещание имеет целью улучшение порядков только на нефтепромыслах, а Дума – во всей стране, и ее судьба определяется всем пролетариатом и крестьянством. Аргументы довольно слабые и рассчитаны, видимо, на предупреждение обвинений в заимствовании тактики, да еще такой, от которой партия уже отказалась, приняв участие в думской работе.

⁶⁰ Захарова-Цедербаум К. В годы реакции. С. 84.

⁶¹ Шитиков-Самарцев И. Партия в рабочих районах // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 217.

Коба старательно прибегал к разнообразным софизмам, но удивительным образом его статья обнажает устремления профессиональных революционеров, заинтересованных в вовлечении рабочих в свою повестку, навязывании им своих целей и не только не заботившихся о реальном улучшении положения этих рабочих, но прямо его не желавших (ведь зажиточных и защищенных законом рабочих станет значительно сложнее подстрекать на бунт). Вместе с тем такая трактовка бойкота сохраняла возможность для маневра, откладывая выбор: в решающий момент равным образом можно было как отказаться от участия в совещании, так и участвовать в нем. Еще больший простор открывали препирательства относительно «гарантий»: формулируя требования достаточно широко и неопределенно, можно было или объявить о своей победе в переговорах, или возложить ответственность за их срыв на оппонентов, причем не только на нефтепромышленников, но и на представителей прочих партий. Эти лазейки Коба использовал в статье «Перед выборами», напечатанной без подписи (а наличие или отсутствие подписи помогало менять позиции, прикрываясь конспирацией – читатель не был уверен, что это пишет тот же автор) в том же «Гудке» 13 января 1908 г. Начинается статья с громкого заявления, что «господа нефтепромышленники отступили». Затем, впрочем, выясняется, что произошло лишь дозволение профессиональным союзам устраивать собрания на промыслах и заводах, тогда как еще недавно нефтепромышленники были решительно настроены «устранить профессиональные союзы от руководства кампанией». «Мы их заставили признать руководящее значение профессиональных союзов», – заявляет автор и обрушивается с критикой на эсеров и дашнакцаканов, согласившихся на выборы без участия рабочих организаций. Затем он делает не лишенный изящества разворот, как раз и оформляющий смену тактики большевиков: «Слова „совещания“ и „переговоры“ не являются и не должны являться пугалом для рабочих, так же как не боятся рабочие накануне забастовки вести переговоры и предъявлять требования». О бойкоте совещания речь больше не идет. «Мы добьемся и того, что не будет больше сторонников бойкота „во что бы то ни стало“. Совещание, а главное, кампания по совещанию, приемлемо для рабочих, если будут предоставлены необходимые для того условия»⁶². И далее перечисляет эти условия. Статьи И. Джугашвили позволяют понаблюдать за тем, как он вел свою извилистую линию в общей полемике. Он достаточно уверенно и ловко совершил маневр со сменой позиции, так что это выглядело скорее естественным реагированием на развитие ситуации, нежели циничным разворотом. В следующей статье в «Гудке» под названием «Еще о совещании с гарантиями» (3 февраля, без подписи) он уже вовсе насмеялся над «бойкотистами эсерами», предлагая им заодно бойкотировать фабрики и заводы как принадлежащие капиталистам⁶³.

В том же январе С. Шаумян издал брошюру «К „совещанию“ с пятью рабочими гарантиями», где довольно невнятно рассуждал, что вовсе отказаться от совещания будет глупо, ибо любая борьба завершается переговорами, но и «„Совещание“ ради „совещания“ является такой же бессмыслицей, как и борьба ради борьбы»⁶⁴. Включенные в собрание избранных произведений Шаумяна немногие статьи, касающиеся совещания с нефтепромышленниками, не позволяют понять, насколько его позиция отличалась от мнений Кобы; то же можно сказать и о наследии П. А. Джапаридзе⁶⁵. Более откровенно Шаумян высказался в письме находившемуся в эмиграции М. Г. Цхакая от 24 мая 1908 г. Откликаясь на некий сообщенный Цхакая реферат Луначарского, Шаумян сформулировал царившие в Бакинском комитете представления о соотношении партии и профессиональных союзов рабочих. «Между прочим, этот взгляд на партию и союзы мы, бакинцы, разделяем вполне, т. е. о том, что союзы должны постепенно

⁶² Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. С. 87–91.

⁶³ Там же. С. 92–97.

⁶⁴ Шаумян С. Г. Избранные произведения. Т. 1. 1902–1914 гг. С. 241–247.

⁶⁵ Джапаридзе П. А. Избранные произведения. 1905–1918 гг. Баку, 1979.

проникаться политикой и социализмом, что должно постепенно произойти слияние всех форм пролетарской борьбы в одно единое целое [...] Мне не нравится только выражение, что партия наша существует временно в качестве воспитательной организации и что она перестанет существовать, исчезнет, выполнив свою роль. Мне кажется, что наша партия полнее представляет классовую борьбу, чем союзы, и что если говорить о «временном» существовании и об исчезновении, то скорее это нужно сказать о союзах, поскольку они еще не прониклись социализмом. К социал-демократической партии будут присоединяться союзы, и создастся единая классовая организация пролетариата, ведущая борьбу во всех формах и на всех поприщах»⁶⁶. Как видно, для Степана Шаумяна прекраснотушные мечты о всеобщем слиянии в социализме очень удобно совмещались с гораздо более на тот момент практичной идеей подчинения профессиональных союзов партии, а в текущих реалиях – Союза нефтепромышленных рабочих социал-демократическим деятелям.

Конечно, эволюция тактики большевиков по вопросу о совещании с нефтепромышленниками была обусловлена реакцией рабочих, выказавших явную заинтересованность в шансе добиться улучшения условий труда (см. док. 50). Большевики поспешили это движение возглавить и ощутили кратковременный успех. На фоне совещательной кампании число членов РСДРП в Баку достигло максимума – порядка 3 тысяч человек⁶⁷. Это был совокупный успех с меньшевиками, изначально выступавшими за совещание. Однако итоговый крах не замедлил наступить, и если действительно именно большевики активнее прочих тянули переговоры, выдвигая неприемлемые условия и требуя «гарантий», то придется признать их ответственность за то, что вся история с коллективным договором кончилась ничем.

Выборы уполномоченных от рабочих прошли в начале февраля, первое заседание совета уполномоченных состоялось 30 марта. На нем выступил с приветственной речью и докладом от правления Союза нефтепромышленных рабочих Алеша Джапаридзе⁶⁸; оба текста 6 апреля появились в газете «Гудок»⁶⁹. Затем прошло четыре заседания в апреле. Большевики гордо именовали это «рабочим парламентом». Надо заметить, что власти тянули с началом заседаний уполномоченных, и первое из них произошло через несколько дней после ареста И. Джугашвили и других большевистских лидеров. Вероятно, между этими событиями существовала связь: власти стремились исключить влияние профессиональных смутьянов и вести дело собственноручно с рабочими.

13 мая должна была заседать организационная комиссия по вопросу о созыве совещания. Присутствовали 14 нефтепромышленников и 15 уполномоченных от рабочих, представителей профессиональных союзов в комиссию не допустили, рабочие без них заседать отказались и ушли⁷⁰. Нефтепромышленники со своей стороны отказались продолжать дальнейшие переговоры о созыве совещания. Причина была в падении цен на нефть, на фоне которого уступки рабочим становились слишком невыгодным⁷¹, а также, очевидно, затянувшиеся по вине революционеров и не обещавшие стать конструктивными переговоры. 18 мая был арестован А. Джапаридзе, впрочем, вскоре его освободил⁷².

⁶⁶ Шаумян С. Г. Избранные произведения. Т. 1. С. 261.

⁶⁷ Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 53. Нужно заметить, что подсчеты численности членов партии являются приблизительными, сама И.С.Багирова в разных разделах своего труда приводит различающиеся данные, что вызвано, видимо, неудовлетворительным состоянием источников.

⁶⁸ Гусейнов А. А. Алеша Джапаридзе. Баку, 1984. С. 81–82.

⁶⁹ Джапаридзе П. А. Речь при открытии заседания Совета уполномоченных от рабочих 30 марта 1908 г. // Джапаридзе П. А. Избранные произведения. С. 60–61; Джапаридзе П. А. Доклад правления Союза нефтепромышленных рабочих на заседании Совета уполномоченных 30 марта 1908 г. // Там же. С. 62–64.

⁷⁰ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. С. 386, 388 (примечания 58, 68).

⁷¹ Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 48.

⁷² Гусейнов А. А. Алеша Джапаридзе. С. 84.

Был ли это тот результат, на который рассчитывали большевики? Не исключено, поскольку не похоже, чтобы они были готовы всерьез обсуждать условия коллективного договора, а его заключение могло бы осложнить задачу вовлечения рабочих в революционную борьбу. Они добились, пожалуй, наилучшего для себя исхода, вынудив власти проявить инициативу в прекращении переговоров. В написанной уже в тюрьме и опубликованной 20 июля в «Бакинском пролетарии» статье «Совещание и рабочие» И. Джугашвили отстаивал правильность избранной тактики, «потому что нефтепромышленники хотели совещаться и заключить договор не с массой, не на глазах у массы, – а с кучкой лиц, за спиной массы: они хорошо знают, что только таким путем можно обмануть многотысячную массу нефтяных рабочих», рабочие же, отказавшись от совещания без участия профессиональных союзов, доказали, «что они достаточно зрелы для того, чтобы не позволить больше врагам рабочих морочить их шендриксовски-закулисным совещанием»⁷³. Статья была напечатана за подписью «Коба». Он подписался так, наверное, не потому, что уже был в тюрьме и терять было нечего; напротив, появление статьи как бы показывало жандармам, что Коба и сидящий в Баиловской тюрьме Иосиф Джугашвили, арестованный с паспортом на имя Кайоса Нижерадзе, – это разные личности.

Хотя при выборах уполномоченных рабочие проголосовали в большинстве за большевистскую линию, вскоре они, наверное, задумались о том, что под воздействием агитации упустили потенциально выгодную возможность и остались без коллективных договоров. И сделали свои выводы. Если на фоне совещательной кампании численность членов РСДРП в Баку достигла максимума, то затем, после прекращения переговоров, резко сократилась. К 1909 г. бакинская организация насчитывала всего около 400 человек⁷⁴.

Иосиф Джугашвили был арестован как подозрительное лицо в ночь на 25 марта 1908 г. во время полицейского рейда по «разным притонам, посещаемым всякого рода преступными лицами». Рейдом руководил лично исполнявший должность начальника бакинской сыскной полиции. Джугашвили под именем Кайоса (Когана) Бесова Нижерадзе был задержан в номерах «Германии». Что он там делал, не известно, но при нем была найдена нелегальная переписка, и начальник сыскной полиции не замедлил передать его жандармам (см. док. 51, 52). Обстоятельства ареста выглядят так, будто Коба попался случайно, а не был выслежен при помощи филеров или донесения агентуры, ведь в таком случае арестовали бы его непосредственно жандармы. На допросе в сыскной полиции он назвался Кайосом Бесовым Нижерадзе, заявил, что состоит в Союзе нефтепромышленных рабочих и служит там конторщиком (см. док. 53). В жандармском управлении его дело вел поручик Боровков; 30 марта он возбудил формальную переписку⁷⁵, усмотрев из захваченных бумаг, что арестованный состоит в бакинской организации РСДРП (см. док. 55_57) Среди вещественных доказательств были проект протеста на действия комиссии ЦК (Жордании и Данишевского), черновик выступления или статьи об организации безработных рабочих нефтепромыслов, несколько черновых записок о партийных делах, номера газет «Гудок» и других, газет легальных, но выдававших его политические пристрастия (см. док. 56).

1 апреля на допросе у поручика Боровкова арестант признался, что является Иосифом Виссарионовичем Джугашвили, крестьянином Диди-Лиловского сельского общества, 27 лет, окончил 5 классов Тифлисской семинарии, прежде привлекался в 1902 г. в Батуме за агитацию среди рабочих и по делу Тифлисского ГЖУ и был сослан на три года в Якутскую область, откуда бежал, уехал за границу, а именно в Лейпциг, провел там не то 11 месяцев, не то более года – тут Джугашвили стал путаться в показаниях, – вернулся после октябрьского манифеста

⁷³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 2. С. 134–145.

⁷⁴ Багирова И. С. Политические партии и организации Азербайджана в начале XX века. С. 53.

⁷⁵ Формальное движение дела детально описано в: Островский А. В. Кто стоял за спиной Сталина? С. 291–299.

1905 г., в Баку живет около восьми месяцев, ни к какой противозаконной политической партии не принадлежит (см. док. 58).

Среди профессиональных революционеров считалось доблестью не давать никаких показаний вообще и не называть себя. Иосиф Джугашвили тем не менее объявил свое настоящее имя при первом же жандармском допросе. По каким мотивам или под давлением каких обстоятельств он это сделал, нет сведений. Он назвал подлинное имя, место рождения, учебы, указал прежние случаи привлечения к дознанию. Возраст свой назвал весьма приблизительно. И сообщил неверное место ссылки – Якутскую область вместо Балаганского уезда Иркутской губернии. В Бакинском ГЖУ должен был быть экземпляр розыскного циркуляра № 5500 от 1 мая 1904 г., которым Джугашвили наряду с прочими беглецами был объявлен в розыск. Но поручик Боровков не стал сверяться с циркуляром, и Якутская область фигурирует в сведениях об обвиняемом Джугашвили, подписанном 23 мая 1908 г. начальником Бакинского ГЖУ генерал-майором Козинцевым (см. док. 60). Он же подписал итоговое постановление по делу 4 августа, где имелаась прямая ссылка на циркуляр № 5500 и местом высылки названа «Восточная Сибирь»⁷⁶(см. гл. 16, док. 16). При этом в «Сведениях об обвиняемом» значится, что Джугашвили прожил в Баку «около 2 лет», хотя в его показании говорится о восьми месяцах. Поездка в Лейпциг, где Джугашвили будто бы прожил то ли одиннадцать месяцев, то ли больше года, была им, конечно же, выдумана с очевидной целью уклониться от вопросов о том, где он был и что делал в 1905 г. Остается заключить, что скрупулезность в расследовании не была свойственна чинам Бакинского ГЖУ.

Более поручик Боровков, как и ротмистр Зайцев, которому дело было передано 30 мая⁷⁷, Джугашвили не допрашивали. Можно предположить, что они, зная местных революционеров, не надеялись на откровенные и достоверные показания и довольствовались тем, что получили необходимый минимум сведений для оформления административной ссылки.

В первый же день после ареста, 25 марта, Иосиф Джугашвили был отправлен в Бакинскую тюрьму. 2 апреля 1908 г. начальник Бакинского ГЖУ полковник Козинцов обратился к градоначальнику за продлением срока ареста до месяца, 24 апреля – в Департамент полиции за продлением срока ареста до окончания дела⁷⁸.

⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 7.

⁷⁷ *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 294. Подлинник постановления поручика Боровкова о передаче дела ротмистру Зайцеву, 30 мая 1908 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 29).

⁷⁸ Отношение начальника Бакинского ГЖУ полковника Козинцова бакинскому градоначальнику, 2 апреля 1908 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 3); Телеграмма генерал-майора Козинцова в Департамент полиции, 24 апреля 1908 г. (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 98. Л. 9; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 205. Д. 7. 1908. Д. 2329. Л. 8 (фотокопия)).

Документы

№ 1

Г. П. Гаглов:

В последний раз я встретился с товарищем Сталиным в своем цехе в 1926 году.

Тогда товарищ Сталин, выступая на собрании железнодорожников Тифлиса, говорил [...]

– Я вспоминаю далее, – говорил товарищ Сталин, – 1905_1907 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Два года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками, с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил таким образом второе свое боевое революционное крещение. Здесь я стал подмастерьем от революции. Позвольте принести теперь мою искреннюю, товарищескую благодарность моим бакинским учителям.

Гаглов Г. П. Любимый учитель // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 109–110.

№ 2

К. Захарова-Цедербаум:

С первых же шагов в Баку⁷⁹ я увидела, что здесь совершенно иная обстановка, чем в других городах, где мне до сих пор приходилось работать. Помимо своеобразных условий бакинской нефтяной промышленности, которые не могли не налагать особый отпечаток на местное рабочее движение, сами рабочие делились на два резко отличные слоя. Квалифицированные, обученные рабочие были в подавляющем большинстве русские, перебравшиеся сюда с крупных заводов промышленных центров. Значительная часть их в той или иной мере была уже затронута движением, многие из них прошли уже школу организации. Главная же масса промысловых рабочих неквалифицированных состояла из армян, татар, персов. Большая часть их не знала русского языка и грамоты. Уровень жизненных потребностей этих рабочих был чрезвычайно низкий. Жили они на самых промыслах, среди целых болот, наполненных сточными водами и нефтью. Крайняя скученность, непролазная грязь, отсутствие всего необходимого, вплоть до чистой воды. Большинство этих рабочих были пришлые, жили без семей, смотрели на свою работу на промыслах, как на нечто временное; сколотив небольшую сумму, многие из них уезжали к себе в деревню где-нибудь в Персии налаживать свое крестьянское хозяйство. Поэтому такой популярностью пользовалось в Баку требование «наградных» (бекшем), доходивших иногда до годового заработка, обыкновенно же в размере 4–6 месячной заработной платы. Эти татарские и персидские крестьяне готовы были упорно и дружно бастовать, добиваясь наградных, но в борьбе за лучшие условия труда проявляли гораздо меньше стойкости [...]

Близость нефти, возможность пустить красного петуха легко вызывала эту массу на эксцессы. Забастовки 1903, 1904 и 1905 гг. и пожары на промыслах показали нефтепромышленникам, как легко в несколько дней могут быть уничтожены источники громадных барышей. [...]

⁷⁹ К. Захарова-Цедербаум приехала в Баку в январе 1908 г.

Ни в одной другой отрасли промышленности в России не было налицо таких условий, и это-то придавало совершенно особый характер рабочему движению в Баку. В то время, когда самые передовые рабочие, металлисты Петербурга, даже и не подумывали о коллективном договоре, в Баку он был выработан и проведен в жизнь еще в 1904 г.; предприниматели были вынуждены пойти на это, как вынуждены были терпеть профессиональные союзы, поскольку они одни могли вводить стихийное движение в организованное русло. [...]

Профессиональные союзы в нефтяной промышленности возникли в 1907 году. Это были Союз нефтепромышленных рабочих и Союз механических рабочих. [...] Союзом нефтепромышленных рабочих, в момент наибольшего расцвета насчитывавшим 9 тысяч членов, руководили большевики [...] Второй союз, объединявший рабочих металлистов, находился в руках меньшевиков.

Захарова-Цедербаум К. В годы реакции //Каторга и ссылка. 1929. № 11 (60). С. 80–83.

№ 3

Ротмистр Орловский:

Вся внутренняя моя агентура была направлена к установке лиц, близко стоящих к тайной типографии, дабы затем, ведя за таковыми наружное наблюдение, выяснить местонахождение типографии, работа которой изо дня в день прогрессировала, значительное количество нелегальной литературы в виде прокламаций и разного рода воззваний особенно увеличилось со времени морской забастовки, когда город буквально наводнялся прокламациями от имени стачечного комитета каспийских моряков. Несомненно, что эти прокламации изготовлялись не только в тайной типографии, но и во многих легальных, которые прикрывались существованием тайной типографии и печатали воззвания и прокламации, ставя дату «типография БО РСДРП».

Тем не менее деятельность тайной типографии все усиливалась и усиливалась и дошла, если так можно выразиться, до своего апогея, когда с первых чисел стали выходить, начиная с № 4, газета «Рядовой», затем с середины июня газета «Рабочий» (с 1-го номера) и наконец с второй половины июля газета «Железнодорожный пролетарий» (с № 3). [...] Столь широкая деятельность тайной типографии, а равно правильный регулярный выпуск начавшихся издаваться революционных изданий несомненно указывает на то, что местные условия для техники организации очень хороши.

Это объясняется тем, что город Баку почти с миллионным населением всех национальностей, начиная от персов и кончая англичанами, как по разноплеменности населения, так и по своему благоустройству действительно представляет из себя такое место, где все преступные элементы от мелких воришек до видных революционных деятелей включительно могут иметь безнаказанно самый широкий простор для своей преступной деятельности, и в этом смысле можно без преувеличения сказать, что г. Баку занимает едва ли не первое место среди городов Российской империи по трудности работы розыскных органов.

Причинами этого является, как я уже неоднократно доносил письменно и докладывал словесно, следующее: улицы города почти везде очень узки, а на окраинах и в части города Старая Крепость представляют из себя извилистые коридоры среди 3-этажных домов, иногда шириною не более двух аршин, что совершенно исключает возможность какого бы то ни было филерского наблюдения; в городе совершенно отсутствует регистрация, почему установка наблюдаемых личностей, а также и тех лиц, коих необходимо установить по разного рода отдельным требованиям или полученным сведениям, должны в силу необходимости сводиться к стереотическому⁸⁰ донесению о том, что «установить не представилось возможности». До

⁸⁰ Слово в документе подчеркнуто карандашом и поставлен знак вопроса. Вероятно, ротмистр хотел сказать «стереотип»

сих пор еще не улегшееся враждебное отношение между татарским и армянским населением города исключает возможность иметь агентов наружного наблюдения другой национальности, кроме русских, тогда как по местным условиям иметь филеров татар и армян было бы весьма полезно для дела, так как в этом случае они могли бы работать, не будучи обнаруживаемы. Между тем, это невозможно ввиду того, что город делится на две части, татарскую и армянскую, и как татары, так и армяне, в особенности вечером, из боязни быть убитыми на почве национальной розни избегают бывать во враждебной части города. Русские же филеры среди туземного населения быстро бывают обнаруживаемы. Армянское население города вообще революционно и сочувственно относится к так называемому «освободительному» движению, и потому вести наблюдение в армянской части города, где главным образом приходится наблюдать, весьма опасно, так как жизнь человека в Баку ценится очень недорого и при обнаружении филера или вообще сыщика – «шпики» его не задумаются убить, что находит подтверждение в том, что в течение очень небольшого промежутка времени во вверенном мне пункте убито 3 и ранено 2 филера, причем из числа убитых один находился на службе всего 2 дня. Столь опасная боевая служба филеров, конечно, отзывается на деле, так как редкий из филеров служит более 1–2 месяцев, и бывали случаи, что на пункте оставался всего один филер, а желающих поступить не находилось. В течение года заведывания мною пунктом уволилось 33 человека филеров из боязни быть убитыми. При такой короткой службе филеров, когда они не успевают приобрести известную опытность, а вновь поступающим неизвестны лица, входящие в сферу наблюдения – наружное наблюдение в смысле продуктивности заставляет желать многого. Население, терроризированное изо дня в день повторяющимися в г. Баку грабежами, кражами, убийствами и т. п., очень подозрительно и опасливо относится к каждому новому лицу, появляющемуся вблизи их жилищ, и филер, который ведет наблюдение и должен иногда в течение целого дня, а иногда и нескольких дней простоять на известном пункте, при всех вышеизложенных неблагоприятных условиях возбуждает подчас подозрение среди благонамеренных жителей, не есть ли он лицо, намеревающееся совершить посягательство на его жизнь или имущество. Таким образом, филер в своей службе поставлен между двух огней: с одной стороны, лиц наблюдаемых, которые видят в нем шпиона, а с другой стороны, лиц, не входящих в сферу наблюдения, которые видят в нем грабителя, убийцу или вора.

Донесение заведывающего бакинским охранным пунктом ротмистра Орловского заведывающему особым отделом по полицейской части канцелярии наместника на Кавказе, копия – в Департамент полиции, 27 июля 1907 г., № 895, 896

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 204. Д7. 1907. Д. 5185. Л. 51_55.

№ 4

К. Захарова-Цедербаум:

Отношение к власти разноплеменного населения было таково, что на содействие в деле искоренения крамолы она ни с какой стороны не могла рассчитывать. Деятельность революционеров облегчалась тем, что главная масса рабочего населения жила не в самом городе, а за его чертой, там, где производилась добыча нефти и перегонка ее на заводах – в Балаханах, Сабунчах, на Браилове, в Черном и Белом городе. Полиции трудно было организовать слежку в скученных рабочих районах, среди явно враждебных ей пролетариев. В самом городе лишь в центре были широкие, прямые улицы с европейскими домами. Стоило только попасть в татарскую часть, как картина совершенно изменялась: низкие здания укрывались за глухими каменными стенами, без окон, с редкой дверью. Доступ внутрь этих стен был почти невозможен: магометанин строго охранял внутренность своего дома от постороннего глаза. В этих глухих, пусты-

ных улицах, идущих в гору, в ту пору, когда я приехала в Баку, по вечерам, чуть не ежедневно происходили перестрелки и убийства, и полиция боялась показываться сюда. Убийства оставались безнаказанными, виновные необнаруженными. [...] Население оставалось неразоруженным, и револьвер или кинжал пускались в ход по всякому поводу. Ношение оружия при себе считалось столь естественным делом, что когда, после попытки ограбления почтамта, там был поставлен караул, часовой у входа в здание предлагал посетителям оставлять оружие в сенях – револьверы и громадные кинжалы складывались в общую кучу, и при выходе на улицу каждый брал свое оружие обратно.

С непривычки странно было видеть на главных улицах экипаж (фаэтон), в котором рядом с каким-нибудь нефтепромышленником или инженером торжественно восседал, а то и стоял на подножке сбоку рослый, смуглый, страшного вида человек, вооруженный до зубов, – то были телохранители, так называемые «кочи», без которых не обходился ни один видный бакинский воротила.

Захарова-Цедербаум К. В годы реакции. С. 77–78.

№ 5

С. Орджоникидзе:

Разгромленная меньшевиками в Грузии, наша фракция решила перебросить все силы в Баку, дабы выбить меньшевиков из пролетарского центра Закавказья. Если в это время в Тифлисе и во всей Грузии было беспредельное господство меньшевиков и нас можно было перечесать по пальцам, то в Баку мы имели солидное меньшинство. [...] Лично я, по приезде в Баку, поступил фельдшером на промысел Ш. Асадуллаева, 1 мая был арестован на горе «Стенька Разин» во время первомайской демонстрации и просидел под чужой фамилией (Кучхишвили) в Баиловской тюрьме 26 дней, после чего большинство арестованных, в том числе и я, были освобождены. В мае наша публика только подбиралась, но тут случился провал нашего первого фракционного собрания, и всю головку нашей фракции арестовали (Леграна, Сакварелидзе Нико, отошедшего впоследствии от нас, Тимофея (Спандаряна), Авеля Енукидзе, Саака Тер-Габриэляна, Алешу Джапаридзе, В.Фиолетова, Петербуржца, С.Жгенти и др.) [...] Вскоре все наши товарищи были освобождены, кажется, за небольшую сумму, заплаченную нами жандармскому ротмистру Зайцеву, который весьма охотно брал взятки. К этому времени вернулись с Лондонского съезда тт. Шаумян, Коба Сталин, Саратовец, приехали из Тифлиса Буду Мдивани, Ф. Каландадзе, Елисабедашвили, Аршак (покойный), Якубов; кроме приезжих, в Баку у нас была очень сильная группа товарищей, во главе с Алешей Джапаридзе, Апостолом Гванцаладзе, В.Фиолетовым, Вацеком, Боковым, Князовым, Якубовым, Плешаковым, Фаро и др.⁸¹

Орджоникидзе С. Борьба с меньшевиками (1907 г.) // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 42–43.

⁸¹ Когда Сталин в 1940 г. в письме историкам М. А. Москалеву и Е.Н. Городецкому критиковал допущенные ими ошибки в статьях о большевиках в Баку в 1907–1908 гг. (строго говоря, обе статьи были посвящены сталинскому руководству бакинскими большевиками), он, конечно, тоже в чем-то лукавил. Он назвал неверным приведенный Москалевым перечень ведущих большевиков (С. Орджоникидзе, С. Шаумян, А. Джапаридзе, К. Ворошилов, С. Спандарьян, А. Стопани, И. Вацек, С. Якубов, М. Мамедьяров и другие) и дал свой: «На самом деле в руководящую группу Бакинского комитета и вообще Бакинской организации входили в 1907 г. тт. Сталин, Джапаридзе, Саратовец (Ефимов), Спандарьян, Тронов, Воронин, Вацек, Шаумян, Орджоникидзе, Мдивани, Сакварелидзе, Петербуржец-Вепринцев (последние три после Октябрьской революции отошли от большевиков). Ни Ворошилов, ни Мамедьяров, ни Якубов, ни Стопани не входили в состав руководящей группы большевиков и не состояли членами Бакинского комитета. Тов. Стопани был полуменьшевиком» (*Сталин И. В. Сочинения. Т. 18. Тверь, 2006. С. 187*).

№ 6

С. Аллилуев:

Степан Шаумян, Сурен Спандарян, Прокофий Джапаридзе, Серго Орджоникидзе, Аполлон Гванцеладзе, Павле Сакварелидзе, Миша Кучуев, Яков Кочетков, Миша Мельников, Ваня Ульянов, Евстафий Руденко, повседневно ведя агитацию и пропаганду, постепенно открывали глаза рабочим, пробуждая их. Коба, приехавший в Баку с пятого, Лондонского съезда партии, сплотил большевистские силы и повёл решительное наступление на противников. В этот же период в Баку работал и К. Е. Ворошилов. Постепенно, шаг за шагом, большевики отвоёвывали у меньшевиков их позиции.

Аллилуев С. Пройденный путь. М., 1946. С. 179–180.

№ 7

П. Сакварелидзе:

Главные, основные большевистские силы были распределены между районами, где они непрерывно работали. К Балаханам были прикреплены А.Джапаридзе, С. Шаумян и другие. [...] Всюду при непосредственном участии Сталина проводились большие дискуссии. В Белом городке противники дошли до рукопашной схватки. В Черном городке (фирму уже не помню) с дискуссионного собрания бежал Ной Рамишвили, который время от времени приезжал из Тифлиса.

Из воспоминаний Сакварелидзе П.Д., опубликовано в грузинской газете «Коммунист» 18 мая 1935 г. Перевод с грузинского

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 313.

№ 8

Н. Колесникова:

В начале 1907 года социал-демократическая организация в Баку была меньшевистской [...] комитет состоял сплошь из меньшевиков, в их руках был печатный станок, из них же состоял кадр партийных профессионалов. Из большевиков тогда в Баку находились: Тимофей⁸², Буду (Мдивани), Петербуржец (Вепринцев), Слава Каспаров, Саратовец (Смирнов) и др. [...] Большевики понимали хорошо, что при соответствующих условиях завоевать позиции среди бакинского пролетариата будет возможно. К маю подъехало еще несколько большевиков: Коба Сталин, Алеша Джапаридзе, позднее немного Степан Шаумян; в то же время большевикам удалось получить и материальные средства на работу. Решено было немедленно выделить несколько человек партийных профессионалов и распределить между ними районы: в Балаханы были направлены Алеша, Буду, Слава, Саратовец; на Биби-Эйбат – Коба и Петербуржец; в Черный город – Тимофей и пишущая эти строки, жившая в то время под именем Ольги Александровны Тарасовой, в Белый город – Апостол. Степан остался в городе с тем, чтобы обслуживать докладами важнейшие собрания во всех районах и затем нести главнейшую работу по редактированию партийного органа.

Колесникова Н. Как большевики завоевали Баку // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 221–222.

⁸² Тимофей – партийная кличка С. Спандаряна.

№ 9

П. Сакварелидзе:

После Лондонского съезда (1907 г.) Сталин обосновался для работы в Баку. Он начал с докладов и с развертывания, оживления организационной работы. Особенно знаменателен был его большой доклад о Лондонском съезде РСДР партии, на котором он присутствовал и на котором большевики одержали победу [...] В докладе особенно интересен был анализ тогдашнего текущего момента и характеристика представленных на съезде различных фракций и течений. Между прочим, он сжато и метко охарактеризовал Троцкого и его позицию на съезде как «красивую ненужность».

Из воспоминаний Сакварелидзе П.Д., опубликовано в грузинской газете «Коммунист» 18 мая 1935 г. Перевод с грузинского

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 311.

№ 10

Сталин:

Всего на съезде присутствовало около 330 делегатов. Из них 302 были с правом решающего голоса – представители более чем 150 000 членов партии, остальные – совещательные. По фракциям распределялись приблизительно следующим образом: (только решающие) 92 большевика, 85 меньшевиков, 54 бундовца, 45 поляков и 26 латышей.

С точки зрения общественного положения членов съезда (рабочие и нерабочие) съезд представлял следующую картину: рабочих физического труда было всего 116; конторщиков и приказчиков – 24; остальные – нерабочие. При этом рабочие физического труда по фракциям распределялись следующим образом: в большевистской фракции – 38 (36 процентов); в меньшевистской – 30 (31 процент); у поляков – 27 (61 процент); у латышей – 12 (40 процентов); у бундовцев – 9 (15 процентов). А профессиональные революционеры распределялись по фракциям следующим образом: в большевистской фракции – 18 (17 процентов); в меньшевистской – 22 (22 процента); у поляков – 5 (11 процентов); у латышей – 2 (6 процентов); у бундовцев – 9 (15 процентов).

Мы все были «изумлены» этой статистикой. Как? Меньшевики так много кричали об интеллигентском составе нашей партии, они день и ночь ругали большевиков интеллигентами, они грозили прогнать всех интеллигентов из партии, они все время третировали профессиональных революционеров – и вдруг у них во фракции оказалось гораздо меньше рабочих, чем у «интеллигентов»-большевиков! У них оказалось гораздо больше профессиональных революционеров, чем у большевиков! [...]

Не менее интересен состав съезда с точки зрения национальностей. Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины и т. д. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики – еврейская фракция, большевики – истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром. [...]

Что же касается течений, наметившихся на съезде, то надо заметить, что формальное деление съезда на 5 фракций (большевики, меньшевики, поляки и т. д.) сохранило известную силу, правда, незначительную, только до обсуждения вопросов принципиального характера (вопрос о непролетарских партиях, о рабочем съезде и т. д.). С обсуждения вопросов принципиальных формальная группировка была фактически отброшена и при голосованиях съезд

обыкновенно разделялся на 2 части: большевиков и меньшевиков. Так называемого центра, или болота, не было на съезде. Троцкий оказался «красивой ненужностью». Причем все поляки определенно примыкали к большевикам. Громадное большинство латышей тоже определенно поддерживало большевиков. Бунд, фактически всегда поддерживавший громадным большинством своих делегатов меньшевиков, формально вел в высшей степени двусмысленную политику, вызывавшую улыбку с одной стороны, раздражение с другой. [...]

Таким образом, съезд был большевистский, хотя и не резко большевистский. Из меньшевистских резолюций прошла только резолюция о партизанских выступлениях, и то совершенно случайно: большевики на этот раз не приняли боя, вернее не захотели довести его до конца, просто из желания «дать хоть раз порадоваться тов. меньшевикам».

Из статьи И. Джугашвили «Лондонский съезд Российской социал-демократической партии (Записки делегата)». Опубликовано в газете «Бакинский пролетарий» № 1, 2 за 20 июня и 10 июля 1907 г. за подписью «Коба Иванович»

Сталин И. В. Сочинения. Т 2. С. 46, 48–52.

№ 11

И. Боков:

Организация Биби-Эйбатской дружины возникла следующим образом. Когда нефтепромышленники и черная сотня нас преследовали, нам необходимо было это предупредить чем-либо. С нашей стороны были случаи единичных террористических актов, как в отношении нефтепромышленников, так и в отношении черной сотни. Но тов. Коба нас предупредил, что мы этого делать не должны и не имеем права, ибо наша тактика исключает единичный террор, это только дает повод социалистам-революционерам разжигать больше страсти против большевиков. На одном из маленьких заседаний на скале был задан тов. Кобе нами вопрос о необходимости самозащиты в районе от хулиганов и погромщиков. [...] Тов. Коба внес предложение организовать большевистскую боевую дружину. Это было сделано в 1907 г. Присутствовало на этом заседании 8 ч.: Яков Кочетков, Боков Иван, Георгий Георгибиани, Шенгелия и др. Тов. Коба согласился на организацию боевой дружины, но с тем, чтобы не производить единичных террористических актов, а служить как бы угрозой в отношении нефтепромышленников и черной сотни. Мы не имели оружия. Было вынесено предложение меньшевиком-интернационалистом Андреем Вышинским о том, чтобы достать оружие у полиции и жандармерии. Мы это практиковали и так, обрезывали у пьяных полицейских револьверы и забирали их себе. Вышинский нам достал несколько бомб и револьверов, а затем мы сами закупили оружие в других городах. Закупкой оружия занимался Зелидзон. Оружие каждый хранил у себя, но главным образом оно хранилось у Георгибиани и у меня. Георгибиани жил со мной на Баилове. Оружие хранилось в сундуке, который и сейчас у меня имеется. Впоследствии число дружин увеличилось. [...] Боевая дружина защищала рабочих от черносотенцев, бывали случаи убийства нашей дружиной черносотенцев, например: Харченко, Старостина, Белугина, Витохина, которые являлись настоящими черносотенцами, погромщиками.

Из воспоминаний Бокова И. В., записано в марте 1937 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 39–41.

№ 12

С. Гафуров:

Товарищ Сталин руководил подготовкой к вооруженному восстанию не только теоретически, но и практически. Большинство членов нашей организации состояло в боевой дружине «Красной сотне». Комитетского оружия для боевой дружины не хватало. Предложили нам при-

обретать за свой счет, что мы и делали. Обучались стрелять, нас инструктировали обращению с оружием, тактике уличного боя и т. д. Правда, лично мне действовать нигде не приходилось, но все члены «Красных сотней» были готовы ежеминутно выступить по призыву партии.

Из воспоминаний Сибгата Гафурова, 1935 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 134.

№ 13

Из устава боевой дружины Бакинской организации РСДРП:

IV. Касса боевой дружины

15) У боевой дружины имеется своя общая для всей дружины касса.

16) Кассир избирается военным советом.

17) Касса боевой дружины сама собирает деньги и изыскивает средства *непосредственно*.

18) Касса издает отчеты ежемесячно.

19) Отчеты проверяются и утверждаются ревизионной комиссией, избираемой из трех лиц военным советом.

V. Об обязанностях дружинников.

20) Дружинник безусловно (и без всякого возражения) подчиняется во всем своему ближайшему руководителю.

21) Дружинник обязан исполнять свои обязанности согласно распоряжений, без всякого с своей стороны изменения.

22) Дружинник обязан быть всегда готовым для борьбы.

23) После первого сигнала дружинник обязан явиться на назначенное место, не позже как по истечении пяти минут.

24) Дружинник обязан знать, как обращаться со своим оружием, а равно и со всяким оружием вообще.

25) За свои действия дружинник отвечает перед районным советом.

26) Дружинник должен знать своих товарищей, которые входят в его отряд (из пяти человек), а по мере возможности и всех вообще дружинников.

Примечание: Дружинник не имеет права покинуть дружину без ведома районного совета и без доклада ему о причинах своего ухода. [...]

VIII. О дисциплинарной части.

33) Дисциплинарно наказываются:

1) Те, которые окажутся неисправными.

2) Те, которые не выполняют поручения своего руководителя.

3) Те, которые любят откровенничать и вообще не могут держать в тайне дел, касающихся боевой дружины.

4) Те, которые нарушат устав боевой дружины или программу партии (экспроприациями и т. п.).

5) Те, которые будут сорить деньгами, пьянствовать и т. п.

6) Те, которые растратят имущество организации.

7) Наказываются также все шпионы, изменники и т. п.

Примечание: Дружинник, вышедший из состава боевой дружины, не освобождается от ответственности, если он будет обвинен в нарушении 3-го пункта сего устава.

34) К казни приговаривает районный совет.

35) Приговор районного совета может быть передан на рассмотрение военного совета и затем руководящего коллектива Бакинской организации.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 204. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 71–73.

№ 14

Полковник Бабушкин:

По агентурным данным заведывающего Розыскным пунктом в г. Баку, на днях в означенном городе состоялось районное делегатское собрание местной организации Российской социал-демократической рабочей партии, в составе 65 человек, по расчету – один представитель от пяти организованных рабочих. На собрании подлежали обсуждению следующие вопросы в порядке дня:

1. Организация самообороны.
2. Выбор коллектива.
3. Выбор междурайонной организационной комиссии.
4. О руководящем центре.
5. Заявления.

Вопрос об организации самообороны, предложенный «большевистской» фракцией, встретил оппозицию со стороны «меньшевиков», которые, ссылаясь на постановление Лондонского съезда партии о роспуске боевых дружин, отрицали даже право возбуждать такой вопрос, так как отряды самообороны в сущности являются прототипами боевых дружин, со всеми недостатками членов последних – похищением оружия и участием в экспроприациях по собственному почину и у частных лиц.

При обсуждении этого вопроса между прочим выяснилось, что Бакинская организация израсходовала на приобретение оружия около 80 тысяч рублей и в настоящее время владеет 76 револьверами систем «Маузер» и «Браунинг», 170 винтовками разных систем и некоторым количеством бомб, что совершенно не соответствует такой затрате. Определилось также, что до сего времени еще не имеется никакой отчетности о порядке израсходования упомянутой выше суммы и такой отчет постановлено затребовать от «штаба боевой дружины».

Взамен вопроса об организации отрядов самообороны, «меньшевистская» фракция требовала обсуждения плана предвыборной кампании как главного вопроса дня. Но «большевики», указывая на открытие в Баку отдела «Союза русского народа», который, по их словам, не замедлит выступить насильственно, настаивали на злободневности вопроса о самообороне и о выработке для ее отрядов особого устава. Благодаря численному превосходству «большевиков» (39 голосов из 65), вопрос был решен в положительном смысле и организацию отрядов самообороны и разработку их устава постановлено возложить на междурайонную организационную комиссию.

Выборы в «коллектив» также закончились победой «большевиков», которые вошли в его состав в числе 11 человек [...]

В междурайонную организационную комиссию избрано 9 представителей, по одному от района; в том числе от Биби-Эйбатского района избран «профессионал» «Коба», который участвовал в «Бакинском пролетарии», подписывая свои статьи псевдонимом «Коба Иванович». На комиссию возложено также озаботиться скорейшим возобновлением издания «Бакинского пролетария», прекратившегося после обнаружения его печатания в местной типографии «Арамазд».

Донесение заведывающего особым отделом канцелярии наместника на Кавказе полковника Бабушкина в Департамент полиции, 15 сентября 1907 г., № 8561⁸³

⁸³ Резолюция: «Запросить, почему при полной осведомленности агентуры заседание не было ликвидировано». Ответ Бабушкина от 21 октября: сведения о собрании получены от агентуры уже после того, как оно состоялось, потому и не ликвидировали (ГА РФ. Ф. 102. Оп. 204. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 105).

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 204. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 100–101 (подлинник). РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 96. Л. 1–3 (машинописная копия советского времени).

№ 15

Леон Арустамов:

Работал я в Балаханском районе. [...] Начиная с 1907 года я слышал о товарище Сталине, что есть сильный теоретически подготовленный товарищ, хороший марксист, который действительно разбирается и руководит Баилово-Биби-Эйбатским районом.

Там одно время работал товарищ Сеид. Когда товарищу Сеиду нужно было провести забастовку в Балаханах, товарищ Сеид вызывал из Баиловского района товарища Сталина, который знал, как объясниться и договориться с караульщиками, охранявшими тот или иной ход в заводе.

Из протокола общего торжественного собрания Азербайджанского общества старых большевиков в честь 50-летия Сталина, 20 декабря 1929 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 583. Л. 18–19.

№ 16

С. Гафуров:

По приезду в Баку товарищ Сталин наряду с имеющимися обычными партийными кружками организовал несколько высших марксистских кружков, в том числе и в нашем Романовском подрайоне, из более активных членов партии [...] Первое организационное собрание нашего кружка происходило в селении Романах, кажется в квартире Силашина. На нем участвовали товарищи Сталин и Шаумян. Товарищ Сталин и Шаумян стали обсуждать вопрос, по каким книгам будем вести кружок. Товарищ Сталин назвал две книги, названия не помню, но тов. Шаумян ответил, что он справлялся в книжных магазинах, с которыми связана организация, таких книг нет. Чем же руководствоваться? Тов. Шаумян сказал, что есть книжка Карла Каутского «Экономическое учение Карла-Маркса»⁸⁴. Товарищ Сталин указал, что в этой книге есть серьезные изъяны. Но потом пришли к заключению, что эти ошибки можно в процессе учебы исправить. И наши занятия проходили по этой книге. Сначала руководил кружком лично сам товарищ Сталин, а затем занятия проводил или он, или тов. Шаумян.

Из воспоминаний Сибгата Гафурова, 1935 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 130–131.

№ 17

И. Вацек:

Прокламации в наш район доставлял из подпольной типографии товарищ Ханлар. Он единственный, кроме меня, знал о местонахождении типографии.

Рано утром, на рассвете, он брал ящик, сговаривался с рабочим-таска-лем, всегда одним и тем же, и отправлялся в типографию. В ящик укладывали пачки прокламаций, а сверху – свежий, только что выпеченный «чурек» (хлеб). Переброска такой «поклажи» не вызывала подозрений у полицейских, попадавших по пути.

Прокламации тов. Ханлар доставлял на наш завод, а мы уже, в свою очередь, распространяли их через рабочих представителей по остальным заводам района.

⁸⁴ Так в тексте.

И вот рано утром мы начинали подбрасывать листовки в инструментальные ящики рабочих, не минуя и свои ящики, чтобы отвлечь подозрения администрации.

Иногда листовки расклеивались по стенам.

Многие из этих прокламаций написаны были товарищем Сталиным. Однажды мне пришлось наблюдать, как товарищ Сталин, после занятий с заводским кружком, здесь же набросал текст прокламации. Он быстро откликался на все вопросы рабочего движения и придавал огромное значение печатной пропаганде революционного марксизма.

С рабочим кружком на нашем заводе товарищ Сталин провел три или четыре занятия. Собирались мы вечером в помещении заводской столовой.

Вацек И. В годы подполья // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 106–107.

№ 18

И. Вацек:

Я тогда работал слесарем на одном из заводов Биби-Эйбатского нефтяного общества.

Однажды к нам на завод пришел товарищ Сталин. Он сказал мне: «Типографии грозит провал, нужно выручать»... Надо было немедленно предотвратить провал, – перевезти станок и остальное оборудование в другую, надежную квартиру.

Типографию дважды спасает товарищ Сталин. Благодаря его зоркой революционной бдительности нам удается выявить нескольких провокаторов.

Товарищ Сталин вовремя переводит типографию в новое помещение, еще до появления жандармов.

Вацек И. В годы подполья // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 106.

№ 19

И. Боков:

Почти в течение 8-ми месяцев т. Коба имел связь с районами через меня. Это делалось например так. Мы захватили меньшевистский промысел Ротшильда, там было два активных т-ща, один, Денисов, перешел к нам, а другой был колеблющимся. Тов. Коба сказал мне, чтобы я встречался с этим колеблющимся и с ним шел домой, а он встречался с нами, и идя по дороге беседовал с ним, непосредственно сам. Таким образом в Биби-Эйбате все организационные сливки меньшевиков перехватили мы на свою сторону. Не только мы – ограниченная группа т-щей, но даже представители меньшевиков при виде тов. Коба питали к нему особое внимание, он как-то особенно действовал на людей, вроде электричества. Наше было убеждение, что он один может, или вернее только при помощи его можно добиться удовлетворения наших требований от нефтепромышленников. Такое было слепое у нас убеждение, мы ему верили, мы его считали таким организатором.

Из воспоминаний Бокова И. В., записано в марте 1937 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 32–34.

№ 20

И. Вацек:

Мы хоронили убитого товарища Ханлара⁸⁵. На похоронах присутствовал и товарищ Сталин, который использовал похороны для крупной демонстрации рабочих.

Сперва на похоронах играл духовой оркестр «Вы жертвою пали». Но как только мы вынесли гроб, меня подозвал полицмейстер:

– Ты распорядитель похорон? Чтоб не было музыки!

Однако еще не успел оркестр уйти, как впереди и позади гроба появились два хора, организованные товарищем Сталиным, и начали петь похоронный марш. Так мы дошли до Баилова.

Товарищ Сталин, все время поддерживавший со мною связь, подозвал меня к себе и сказал:

– Разошли ребят по заводам, пусть, начиная с электрической станции, заводы по пути шествия похоронной процессии дают гудки, пока будет виден гроб.

И вот надо было видеть, в каком положении оказались полицмейстер и пристав. Когда загудели десятки заводских гудков, пристав побежал к полицмейстеру:

– Ваше высокоблагородие, что мы наделали? Пусть бы лучше играла музыка, меньше бы высыпало народу на похороны.

Когда я об этом рассказал товарищу Сталину, он долго смеялся.

Вацек И. В годы подполья // Рассказы старых рабочих Закавказья о великом Сталине. С. 101–102.

№ 21

Ленин – бакинским большевикам:

Копия письма с подписью «Н.К.» из С.-Петербурга, от 4 октября 1907 г., к И. И. Гуковскому, в Баку, Комитет Съезда нефтепромышленников, статистическое отделение.

Дорогие товарищи, из докладов ваших делегатов вы ознакомились с положением наших дел. [...] Вопрос о ЦО остается открытым на неопределенное время⁸⁶, а б-ки⁸⁷ приступают к изданию Пролетария. Озаботьтесь немедленной присылкой корреспонденций. Желательно было бы, чтобы корреспонденции носили не исключительно фракционный характер, т. е. касались не исключительно вопросов о борьбе б-ками с м-ками, хотя важно и это, а вопросов экономической и политической местной жизни. Пишите почаще, присылайте также выходящие у вас издания. Пришлите побольше адресов для высылки вам тотчас же по выходе всех новинок. С тов. приветом. Н. К.

Копия перлюстрированного письма, написанного Н. К. Крупской большевикам Бакинского комитета, 22 сентября/4 октября 1907 г. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 103 (подлинник).

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 51. Т. 2. Л. 271 (подлинник).

№ 22

С. Аллилуев:

⁸⁵ Ханлар Гасан-оглы Сафаралиев (1885–1907) – токарь «Нефталанского товарищества», «погиб от руки убийцы, подосланного царскими жандармами-охранниками». Ханлар был ранен в ночь с 19 на 20 сентября 1907 г., умер 26 сентября. Его похороны превратились в демонстрацию, собравшую более 20 тыс. человек. За гробом шли Сталин, Орджоникидзе, Шаумян, Азизбеков, Джапаридзе. Сталин произнес речь (см.: *Бор-Раменский Е.* Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья. С. 52).

⁸⁶ ЦО – «центральный орган», партийная газета, о контроле над которой спорили большевики и меньшевики.

⁸⁷ На партийном жаргоне «б-ки» – большевики, «м-ки» – меньшевики.

В конце июля, по совету товарищей, я направился к Кобе. Коба с женой жил в небольшом одноэтажном домике. Я застал его за книгой. Он оторвался от книги, встал со стула и приветливо сказал:

– Пожалуйста, заходи.

Я сказал Кобе о своём решении выехать в Питер, об обстоятельствах, вынуждающих меня предпринять этот шаг⁸⁸.

– Да, надо ехать, – произнёс Коба. – Житья тебе Шубинский⁸⁹ не даст.

Внезапно Коба вышел в другую комнату. Через минуту-две он вернулся и протянул мне деньги. Видя мою растерянность, он улыбнулся.

– Бери, бери, – произнёс он, – попадёшь в новый город, знакомых почти нет. Пригодятся. Да и семья у тебя большая. – Потом, пожимая мне руку, Коба добавил:

– Счастливого пути, Сергей!

Аллилуев С. Пройденный путь. М., 1946. С. 182.

№ 23

Алексеев:

Муж мой, старый подпольщик Алексеев после военной службы работал до 1902 г. у Бенкендорфа в Балаханах, в Баку, а с 1902 г. в Биби-Абаде⁹⁰, в Каспийском товариществе, а жили мы в Баилове. [...]

Тов. Сталин у нас квартировал в 1907 г. Это было в г. Баку на Баилове, сейчас это Сталинский район. Мой муж был старым подпольщиком, его хорошо знали в подпольном кружке, у нас были две больших комнаты; пришли раз товарищи, старые подпольщики, и сказали, что приехал такой человек, звали его Коба, надо его приютить. [...] Он у нас жил около пяти месяцев. Приехал он в первых числа июня и жил до сентября-октября месяца, уже было холодно. Тогда его сильно преследовали, как и всех подпольщиков, и он как-то вечером ушел и больше не приходил, вероятно его арестовали. Если не арестовали, значит он где-нибудь скрылся, нам точно ничего о его аресте известно не было. У него была жена, грузинка, которая тоже у нас жила, но немного, всего только неделю, после мы ее проводили в Тифлис. [...]

Сталин жил в комнате, которая выходила на улицу, а в другой комнате жили мы. В комнате у него стояла кушетка, этажерка с книгами, керосиновая лампа «Чудо», керосинка. Питался он не у нас, а покупал консервы, колбасы и пр.

Приютить у нас на квартире тов. Сталина просил мужа Кирочкин. Мы согласились. Сначала пришел Петербуржец, а потом тов. Сталин с женой грузинкой. [...] У нас оставались кофейник и кувшин-умывальник, принадлежащие тов. Сталину. Мы их тоже сдали в музей революции в Баку.

Из записи беседы с Алексеевым

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 3–6.

№ 24

А. Сванидзе-Монаселидзе:

⁸⁸ С.Я.Аллилуев, попав в поле зрения бакинской полиции, решил переехать в Петербург, где Л. Б. Красин обещал найти ему работу.

⁸⁹ Шубинский – бакинский градоначальник.

⁹⁰ Так в тексте, правильное название района – Биби-Эйбат.

Летом 1907 г. Сосо с женой отправился в Баку. Спустя три месяца больную Като Сосо привез в Тбилиси. После двух-трехнедельной болезни Като скончалась. Сосо был в Тбилиси при кончине Като и был на ее похоронах.

Из воспоминаний Александра Сванидзе-Монаселидзе. Перевод с грузинского РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 264.

№ 25

Михаил Монаселидзе:

Летом 1907 г. товарищ Сталин при переезде на работу в Баку взял с собой жену Като с грудным ребенком. В Баку Като тяжело заболела. В октябре 1907 г. больную Като Сталин перевез в Тбилиси, а затем опять вернулся в Баку. 22 ноября Като скончалась. Сталин в это время был в Тбилиси. Като скончалась на его руках. У гроба Като была снята фотография членов семьи и близких, среди которых был и товарищ Сталин. Като похоронили 25 ноября на Кукийском кладбище Св. Нины. Сталин присутствовал на похоронах. Вскоре Сталин вернулся в Баку.

Из воспоминаний Михаила Монаселидзе. Перевод с грузинского РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 267.

№ 26

Христофор Тхинвалели:

Я видел Сосо в 1907 г., когда у него умерла жена, которую мы похоронили на Кукийском кладбище.

Из воспоминаний Христофора Тхинвалели. Перевод с грузинского РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 265.

№ 27

Г. Елисабедашвили:

В ноябре 1907 г. скончалась Като – супруга Сосо. Товарищ Сосо глубоко переживал эту утрату. Он проводил Като до могилы, несмотря на то, что это было очень рискованно с его стороны, т. к. царская охранка усиленно искала его. Сироту взяла на воспитание в деревню мать Като. Тов. Сосо вернулся в Баку.

Из воспоминаний Г. Елисабедашвили. Перевод с грузинского РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 651. Л. 268.

№ 28

П. Онуфриева (Фомина)⁹¹:

Он в то время потерял жену и рассказывал, как жалел ее, как ее любил, как тяжело ему было переживать эту потерю. «От меня, говорит, все оружие отбирали, вот как мне было тяжело». Еще он говорил: «Я понял теперь, как мы иногда многого не ценим. Бывало, уйду на работу, не прихожу целую ночь. Уйду, скажу ей: не беспокойся обо мне. А прихожу, она на стуле спит. Ждала меня всю ночь». Мальчик у них был маленький. Он жил у родственников в Тифлисе. Жена у Иосифа Виссарионовича была портниха. Он мне часто говорил: «Вы не

⁹¹ П. Онуфриева – знакомая И. В. Сталина по вологодской ссылке (см. далее).

представляете, какие красивые платья она умела шить». [...] Много мне рассказывал о юге, о том, как хорошо там, какие там сады, здания. Мне частенько говорил: «Вы мечтаете поехать на юг, приезжайте к нам, я дам записку своим хорошим знакомым, они вас примут как родную». А о том, что у него родители там, он не говорил и я не знала.

Из записи беседы сотрудницы ИМЭЛ Эвенчик и секретаря Вологодского обкома Далматова с Онуфриевой-Фоминой, 7 июля 1944 г., Вологда

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 647. Л. 77–78.

№ 29

М. Эфендиев:

Жизнь Сталина неразрывно была связана с партией. Ничего его не интересовало, кроме судьбы организации и рабочего движения. Даже в свободное время, если кто-нибудь из товарищей заходил к нему, он беседовал, обсуждал вопросы, связанные с партийной жизнью. Порой казалось, что у него нет личной жизни, что вне вопросов партии он чувствует себя неладно. Если кто-нибудь из товарищей отвлекался в беседе на другие темы, Сталин быстро опять возвращался к делу, т. е. жизни организации. Можно смело утверждать, что у Кобы не было знакомого, не имеющего отношения к партии, за исключением жандармов, с которыми ему приходилось знакомиться вынужденно.

Коба обладал большой памятью на лица; достаточно было видеть раз человека, чтобы запомнить его, спустя долгое время после моментальной встречи, он мог быстро разыскать в своей памяти обстоятельства, при которых познакомился с ним, и даже имя, фамилию, если знал их.

Энергия Сталина была бесконечна. В бакинский период работы он буквально не знал отдыха. Время вечно проходило в хождении по промыслам, заводам, казармам. Рано утром выходил он из квартиры, направлялся в бюро профсоюза или лавку Караева, где узнавал, кто куда пошел, и жарил за много верст пешком в казармы – Шихово, часто возвращаясь один или в сопровождении тт. поздно ночью. Все время приходилось находиться в напряженном состоянии. Опасность грозила на каждом шагу.

Из воспоминаний М. Эфендиева

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 648. Л. 298–299.

№ 30

М. Эфендиев:

Сталин отличался большой простотой и доступностью. Он жил на Баилове, рядом с народным домом [...] В этом последнем жили в одном из полуподвальных комнат я, Георгий Ртвеладзе, Нико и еще один, фамилию которого не припомню. В своей агитационной работе мы были связаны с бюро профессионального союза нефтепромышленных рабочих. Против союза была бакалейная лавка, где продавцом работал эсер А. К. Караев. Мы часто пользовались этой лавкой. В то время Кобе обедать было негде да и некогда, а потому часто обедали в этой лавке, довольствуясь хлебом и закусывая иногда виноградом. Обычно перед едой, я водой мыл виноград. Сталин подшучивал, что у меня буржуазные предрассудки, я отвечал, что наоборот, хочу обмыть пыль от фаэтонов управляющих буржуазии.

Из воспоминаний М. Эфендиева

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 648. Л. 296.

№ 31

П. Сакварелидзе:

Когда дело требовало, Сталин мог работать непрерывно день и ночь. Интересы работы поглощали все его внимание и его личную жизнь. Был период, когда касса организации главарям своим могла давать в месяц только по восемнадцати рублей; в таких же условиях жил и Сталин, интенсивности работы которого не могла помешать никакая нужда. Иногда, когда у Сталина и товарищей его скоплялось «немного излишних» грошей, происходило некоторое «уклонение». Это было «сворачивание» в какой-нибудь отдаленный ресторан (или в отдельный кабинет хорошего ресторана), чтобы покушать. Чаще это происходило после проведения какой-либо большой работы, в особенности же после закончившихся победой дискуссий. Этот термин очень любил С. Спандарьян, который в эти моменты также «уклонялся» вместе с друзьями.

Одним из таких излюбленных мест был ресторан «Свет» на Торговой улице. Здесь «наш» кабинет был так устроен, что свободно можно было откровенно говорить, приятно провести время и даже громко спеть. Сталин приятно пел некоторые грузинские песни (напр. «Нетави гого ме да шен», «Гапринди шаво мерцхало» и др.). Вторым таким местом был один из кабинетов «Анонны» (к пассажиру).

Из воспоминаний Сакварелидзе П.Д., опубликовано в грузинской газете «Коммунист» 18 мая 1935 г. Перевод с грузинского РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 314–315.

№ 32

М. Эфендиев:

Коба чувствовал себя в подполье, как в родной стихии. Без нее ему было скучно, пусто и неинтересно. Сталин заражал этим бесстрашием и окружающих. Надо сказать, что эта черта была особенно ценна в то время, когда меньшевистская часть организации определенно тяготилась подпольем, стремилась через профсоюзы, совет безработных и совещания уполномоченных к легальной жизни (ликвидаторы).

Из воспоминаний М. Эфендиева

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 435.

№ 33

В. Ф. Тронов:

Летом 1907 года ко мне на квартиру в казармах промысла Шамси Асадуллаева (тут же жил и Серго Орджоникидзе) часто заходил товарищ Сталин. Свои посещения он тщательно конспирировал, не допуская ни малейших подозрений соседей о своих свиданиях с нами. Приходил он большей частью с наступлением темноты, никем из соседей не замеченный. Случалось, что мне приходилось выходить из дому вместе с товарищем Сталиным, но вместе идти он никогда не разрешал. Мы шли поодаль друг от друга, не возбуждая ничьих подозрений. Товарищ Сталин говорил, что конспирация – первейшая необходимость и обязанность революционера. «Человек может рисковать собой, но рисковать организацией он не имеет права», – заявлял он [...]

Конспирацию товарищ Сталин соблюдал также и при посещении рабочих собраний. Его приход почти никогда не был замечен. Он скромно и терпеливо слушал оратора. Выступал он чаще в конце, именно тогда, когда нужно было решительное слово.

Я, как председатель союза нефтепромышленных рабочих, присутствовал на многих дискуссиях, где выступал товарищ Сталин. Не помню ни разу, чтобы он говорил долго. В моей памяти его речи остались, как очень сжатые и короткие. Помню, что на одной из дискуссий с эсерами, где я был председателем собрания, товарищ Сталин в течение 20–30 минут в пух и прах разбил полуторачасовую речь лидера эсеров, выступавшего перед ним. Его доводы против эсеров были настолько сильны и понятны рабочим, что необходимость в длинных речах отпадала сама собой.

Из воспоминаний В. Ф. Тронова, члена комитета Союза нефтепромышленных рабочих, апрель 1937 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 343–345.

Вариант воспоминаний опубликован в: Четверть века борьбы под большевистским знаменем. Баку, 1932. С. 9–14.

№ 34

И. Боков:

Первая дискуссия с эс-эрами была в столовой Биби-Эйбатского об-ва. Прежде чем я выступил на этой дискуссии, т. Коба подготовил меня к ней, дал мне две брошюры по крестьянскому вопросу, эти брошюры мы с ним вместе проработали. На первом заседании Биби-Эйбатского об-ва я выступал в дискуссии, т. Коба наблюдал за аудиторией, но сам не выступал, дискуссию вели я и Наташа, наша большевичка. Присутствовало 80 чел., были большевики, меньшевики, дашнаки, но большинство эс-эры. Со стороны эс-эров выступил Щеглов. После дискуссии т. Коба сказал мне, что социалисты-революционеры дрогнули. Необходимо провести еще одну дискуссию, и мы перехватим рабочих. Вторая дискуссия была проведена спустя недели полторы в помещении электрической силы – гнездо эсеров. В этой дискуссии опять выступал я, подготовленный т. Коба. [...] После этого у нас была дискуссия с меньшевиками на промысле Ротшильда. [...] Тов. Коба ни в одной из дискуссий, которые вели в течение 5–6 месяцев, не выступал. [...] С каждым разом у нас после дискуссии увеличивались кадры.

Из воспоминаний Бокова И. В., записано в марте 1937 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 32–34.

№ 35

Вано Стура:

В 1903 году я перешел на нелегальное положение и стал работать в типографии, оборудованной тов. Ладом Кецховели и находившейся на Тазапирской улице. Впоследствии типография была расширена и переведена на 1-ю Параллельную улицу. Типография эта обслуживала всю Россию и выполняла все задания ЦК РСДРП (большевиков).

В 1908 году я снова вернулся из ссылки в Баку, застав там товарищей Спандаряна (Тимофея), Кобу (Сталина), Степана Шаумяна, Алешу Джапаридзе и других.

Мне было поручено оборудовать типографию для Бакинского Комитета, что и было мною выполнено. Типография эта находилась на Бондарной улице, в доме № 112.

Стура Вано. Воспоминания старого подпольника⁹² // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 49.

⁹² Так в тексте.

№ 36

М. Эфендиев:

Тов. Мамед-Багир Ахундов работал в городском районе и в боевой дружине состоял с 1906 года. Являясь надежным товарищем, он пользовался таким доверием, что ему поручено было хранение нелегальной типографии городского района, оружия и складов взрывчатых веществ. Он, служа заведывающим читальней-библиотекой «Ниджат», мог быть очень полезным для организации, пользующейся его квартирой, местом собрания, явкой и т. д.

В 1906 году, в июле месяце⁹³, квартира Ахундова на Церковной улице была обыскана жандармерией и все хранящееся там – типография, литература, оружие – было захвачено. Сам он случайно не попался и, скрываясь некоторое время на бакинских дачах, был препровожден в Персию. Здесь он выказал большой героизм в борьбе персидских революционеров против шаха. Убит в 1908 г. взорвавшейся бомбой.

Эфендиев М. История революционного движения тюркского пролетариата // Из прошлого. Баку, 1923. С. 55.

№ 37

М. Эфендиев:

В 1907 году при ближайшем участии товарища Мамед-Багир Ахундова был убит рештский губернатор. Затем он с муджахидами (персидскими революционерами), с несколькими грузинами и русскими товарищами отправляется в Астару и Ардебиль против реакционных шахсеванов, желая таким путем помешать наступлению их на революционный Тавриз. Закончив эту экспедицию, он во главе муджахидов (местных революц.) возвращается в Гилян; по дороге он был убит разорвавшейся бомбой. [...] Из других товарищей, отправленных на усиление рядов персидских революционеров, необходимо указать на тов. Аму-оглы (Хейдар), Абилова, Орджоникидзе, Бала Эфендиева, Мамед-Эмина, Расул-Заде и других. Эти товарищи в ходе персидской революции играли видную роль: тт. Абилов, Расул-Заде, Б. Эфендиев действовали в Тегеране и Исфагани. Впоследствии Б. Эфендиев совместно с Амир Ишматом бились под Тавризом с русским отрядом и, потерпев поражение, отступили в Турцию.

В Баку в тесной связи с нашей партией работала персидская социал-демократическая партия (впоследствии Адалят), куда входили от нашей партии тов. Нариманов, Азизбеков, Меликов, Ахундов, Мамед-Багир и другие. Через этих товарищей производилось транспортирование оружия, литературы в Персию. Очевидцы персидских событий вполне правильно отмечают значение и роль помощи и поддержки бакинских партийных кругов персидскому революционному движению.

Эфендиев М. История революционного движения тюркского пролетариата. С. 53.

№ 38

М. Эфендиев:

Сталин не мало интересовался судьбами персидской революции 1907 г. Т. Орджоникидзе нелегально жил от царских властей в Энзели⁹⁴. По предложению т. Сталина в Персию были

⁹³ Мемуарист датирует события июлем 1906 г., но, вероятно, их следует отнести к июлю 1907 г., когда была захвачена большевистская типография в Баку.

⁹⁴ Пребывание Г. К. Орджоникидзе в Персии относится к 1910–1911 гг.

посланы т. Азизбеков, Эфендиев и др. Т. Сталин неоднократно подчеркивал, что судьба персидских трудящихся для нас не безразлична; он отмечал революционные обязанности, лежащие на рабочих персах, работающих в Баку: «Бакинские рабочие-персы должны служить революционным большевистским ферментом в толще крестьянской Персии».

Из воспоминаний М. Эфендиева

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 648. Л. 293; Д. 658. Л. 433 (2 экземпляра).

№ 39

Полковник Бабушкин:

Наблюдение за деятельностью революционных организаций в Закавказье приводит к убеждению, что г. Баку является как бы центром, откуда местные организации Закавказья черпают необходимый для них агитационный материал. В названном городе действует до 10 различных революционных организаций, главнейшие из коих имеют свои периодические нелегальные органы, распространяемые по всему Закавказью и даже Дагестану, независимо от массы летучих изданий тех же организаций и их подпольных типографий. Не отрицая этим значения Тифлиса как руководящего центра меньшевистской фракции, необходимо признать, что местные тифлисские силы, при всем их нравственном влиянии на движение, не обладают однако теми техническими средствами, которые находятся в распоряжении нескольких бакинских организаций.

Донесение заведывающего особым отделом канцелярии наместника на Кавказе полковника Бабушкина в Департамент полиции, 12 августа 1907 г., № 7656

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 237. ОО. 1907. Д. 5. Ч. 3. Л. 88–88 об.

№ 40

М. Эфендиев:

В 1908 году т. Балабек с двумя другими товарищами во главе с Г. А. Аскер Мамед-Заде (из персидской партии) были командированы в Персию для организации покушения на жизнь персидского шаха деспота Мамед-Али.

Предприятие это кончилось неудачей, так как бомба, брошенная на шаха, не разорвалась. Но по счастливой случайности покушавшиеся товарищи не попались и благополучно вернулись обратно в Баку.

Эфендиев М. История революционного движения тюркского пролетариата. С. 53.

№ 41

Русский посланник в Персии Н. Г. Гартвиг:

Следствие обнаружило, что бомбы, коими совершено недавнее покушение⁹⁵, русского происхождения; одна партия таковых была задержана энзелийской таможней. По сему поводу шах обратил мое внимание на то, что из Кавказа продолжается усиленный подвоз снарядов и оружия. Его величество усердно просит о принятии возможно строгих мер к недопущению вывоза помянутых припасов, доставляемых сюда преимущественно из Баку и Ленкорана.

Телеграмма посланника Н. Г. Гартвига министру иностранных дел А. П. Извольскому, 18 февраля 1908 г.

⁹⁵ На иранского шаха Мухаммеда Али.

Опубликовано: *Бор-Раменский Е.* Иранская революция 1905–1911 гг и большевики Закавказья. С. 64.

№ 42

Секретарь российского консульства в Гиляне Антипов:

В недавнее время Решт вошел в близкие сношения с бакинскими муджахидинами. Две недели тому назад сюда прибыл их эмиссар с поручением организовать энджомен⁹⁶. Эмиссар этот тщательно скрывается. [...] Какова программа действий зарождающегося энджомена, в точности неизвестно. Во всяком случае, на первых порах он имеет в виду принять самое деятельное участие в предвыборной агитации.

Что же касается бакинских муджахидинов, то они обнаруживают в настоящее время, по-видимому, усиленную деятельность. Кроме посылки эмиссара в Решт, здесь следует упомянуть еще об отправке в Тавриз отряда в 70 человек на помощь Саттар-хану⁹⁷. Вместе с отправленными ранее весь отряд, доставленный в Тавриз энджоменом, составит около 800 человек. Одновременно с этим Саттар-хану отправлены в подарок панцирь и 2 ружья.

Из рапорта секретаря российского консульства в Гиляне Антипова генеральному консулу, 29 сентября 1908 г.

Опубликовано: *Бор-Раменский Е.* Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья. С. 65–66.

№ 43

С. Гафуров:

Во время персидской революции наша организация отправила отряд добровольцев с большим запасом оружия, патронов, бомб и т. д. для помощи персидским революционерам. Они не только сражались с отрядом казака-полковника Ляхова, войсками ген. Снарского и с персидскими реакционерами и шахсеванами, но некоторые были избраны членами персидского «меджилиса» (парламента), участвовали в создании в ряде мест «энжеменов» (советов) и помогали и направляли деятельность временного революционного правительства Сатар-Хана, Багир-Хана и Ефрем-Хана.

Из нашего подрайона участвовал в персидской революции тов. Серго Орджоникидзе, не помню только, уехал ли он с добровольцами или сбежал туда потом из ссылки.

Также из членов нашей партийной ячейки поехал в Персию товарищ Железный (Бакрадзе). Мы получили письмо, которое было зачтено на подрайонном собрании, что он во время взятия крепости, не помню Тиграна или Тевриза, погиб от взрыва своей бомбы. Помню, от «Гуммет» участвовал в персидской революции Таги-Заде, Эфендиев и др. [...]

Товарищ Сталин лично руководил партией «Гуммет», организацией турецких рабочих. «Гуммет» имела свое издательство, свою газету, издавала прокламации на турецком языке, и почти вся работа шла на родном языке. [...] «Гумметисты» участвовали на наших партийных собраниях, например: Мамедъяров Мамед, Мишады Азизбеков, Султан Медит Эфендиев, Гамед Султанов, Таги Заде, Мухтар Гаджиев и др.⁹⁸ одинаково с членами нашей партии. Также и большевики участвовали на заседаниях их Комитета, например, мне лично несколько раз пришлось участвовать на заседаниях Балаханского комитета «Гуммет».

Воспоминания Сибгата Гафурова, 1935 г.

⁹⁶ Энджомен – орган местной власти, городского или областного самоуправления в Иране. Первый энджомен возник в ходе персидской революции 1905–1911 гг. в Тебризе.

⁹⁷ Саттар-хан (прозвище Сардари Милли, Сардар-хан) – офицер персидской армии, вожь вооруженного антишахского восстания в Тебризе в 1908–1909 гг.

⁹⁸ В этом списке еще три имени вычеркнуты.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 134–137.

№ 44

К. Захарова-Цедербаум:

К моменту моего приезда в Баку, в январе 1908 года, организации, как партийные, так и профессиональные, как меньшевистская, так и большевистская, были заняты кампанией по совещанию с нефтепромышленниками. Инициатором совещания с целью выработки «соглашения» (коллективного договора) между рабочими и предпринимателями был помощник кавказского наместника Джунковский. [...] В октябре 1907 года профессиональные союзы получили приглашение послать своих представителей к приехавшему в Баку Джунковскому. В продолжительной беседе он старался доказать необходимость заключения коллективного договора и напирал на то, что обязанность союзов разъяснить его пользу и выгоду массе рабочих, которая с недоверием относится к этой идее. Представители союзов заявили, что не могут решать вопроса за рабочих, и предложили ему обеспечить возможность свободного обсуждения его на рабочих собраниях. Джунковский пошел на это требование, и через несколько дней союзы получили от градоначальника бумагу, разрешающую им устраивать на промыслах, на заводах и в казармах собрания рабочих для обсуждения вопроса о совещании. Партии и союзы столковались между собою о порядке ведения этих собраний, где должны были выступать сторонники различных точек зрения. Дело в том, что единодушия по этому вопросу не было. Среди большевиков были сторонники как полного бойкота (Сталин), так и условного участия в нем – при наличии «гарантий», т. е. допущения на совещание представителей союзов, неприкосновенности уполномоченных и т. п. (Джапаридзе, Стопани, Самарцев, Германов-Фрумкин). Меньшевики высказывались за участие в совещании без выставления каких-либо предварительных условий. Социалисты-революционеры и армянские националисты (дашнаки) были за бойкот и за немедленное объявление всеобщей стачки.

Захарова-Цедербаум К. В годы реакции. С. 83–84.

№ 45

С. Орджоникидзе:

Это было летом 1907 года. В это время был поднят вопрос о заключении коллективного договора между нефтепромышленниками и рабочими и устройства с этой целью совещания последними и нефтепромышленниками⁹⁹. Мы отнеслись к этому в первое время резко отрицательно, считали, что разговаривать с капиталистами нам неприлично, и стали готовиться к забастовке нефтепромышленных рабочих. [...] Меньшевики выступили против забастовки, противопоставив ей совещание с нефтепромышленниками по заключению коллективного договора.

Через несколько времени для решения вопроса нами было созвано собрание уполномоченных заводов и промыслов. Свыше двухсот рабочих собрались в Балаханах ночью на каком-то заброшенном промысле. После опроса каждого представителя в отдельности выяснилось, что солидное меньшинство против забастовки. Также было выяснено, что благодаря меньшевикам среди рабочих замечается колебание, и что при таких условиях всеобщая забастовка не удастся. После этого перед нами опять стал вопрос о совещании с нефтепромышленниками. Ясно было, что после провала забастовки рабочая масса пойдет на совещание и что, если мы не примем участия, руководство полностью окажется в руках меньшевиков. Внутри больше-

⁹⁹ Так в тексте.

вистской фракции обнаружилось разногласие по этому вопросу. Часть товарищей, во главе с Алешей Джапаридзе и Степаном Шаумяном, и раньше колебалась, а после неудачи забастовки окончательно стала за участие в совещании. Другая часть, во главе с Кобой Сталиным и Нико, стояла резко против совещания, но после неудачи забастовки тоже поставила вопрос о пересмотре старой позиции. На собрании нашей фракции в одном из помещений Сабунчинской больницы (кажется, в прачешной), после довольно жарких дебатов, нами было принято решение участвовать в совещании, при условии предоставления нам полной свободы печати, собраний, неприкосновенности личности, юридического признания профсоюзов, представительства рабочих и т. п. Это называлось совещание с гарантиями. С этим решением мы пустились в рабочие массы. Меншевики оказались одураченными. [...] Не помню, как власть ответила официально на наши требования о гарантиях, но фактически, явочным порядком, нами была завоевана почти полная свобода. Наша газета, орган союза нефтепромышленных рабочих «Гудок» Саши Самарцева (он был официальным редактором) – фактический орган нашей фракции – гремела в то время на всю Россию.

На собраниях совершенно открыто выступали наши ораторы, и их не смели арестовывать. Как-то в то время был арестован Алеша Джапаридзе. На второй день в меньшевистской печати появилось сообщение об аресте нескольких товарищей, в том числе и Алеши; так и было написано: «Арестован Алеша Джапаридзе». Власть знала, что знаменитый бакинский Алеша в ее руках, и, несмотря на это, вынуждена была через 2–3 дня освободить его.

В конце 1907 года начались собрания уполномоченных промыслов и заводов для выработки требований к нефтепромышленникам. Громадное большинство выборных оказалось на нашей стороне. Председателем был выбран рабочий-большевик Тронов, и около двух недель, в то время как по всей России господствовала черная реакция, в Баку заседал настоящий рабочий парламент.

Орджоникидзе С. Борьба с меньшевиками (1907 г.) // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 44–45.

№ 46

Сталин:

Надо бойкотировать совещание!

Вопрос об участии и бойкоте совещания с нефтепромышленниками является для нас вопросом не принципа, а практической целесообразности. Мы не можем раз навсегда бойкотировать все и всякие совещания, как это предлагают делать некоторые озлобленные и не совсем нормальные «индивиды». И наоборот, мы не можем раз навсегда решить вопрос в пользу участия в совещании, как это умудряются делать наши кадетообразные товарищи. К вопросу об участии в бойкоте мы должны подходить с точки зрения живых фактов и только фактов. [...]

Затем, во избежание путаницы мы должны заранее установить понятия, которыми мы оперируем. Что значит «участвовать» в совещании? Что значит «бойкотировать» совещание? Если мы, формулируя на собраниях общие требования, выбирая уполномоченных и т. д. и т. п., не ставим своей целью сорвать совещание, а – наоборот – идем на совещание с тем, чтобы, подчиняясь регламенту совещания, опираясь на него, вести переговоры с нефтепромышленниками и придти в конце концов к тому или иному договору, – то такое наше поведение мы должны назвать участием в совещании. Но если мы, вырабатывая требования, выбирая уполномоченных [...] ставим своей целью не участие в работах совещания с нефтепромышленниками, а срыв самого совещания, срыв всякого договора с нефтепромышленниками *до борьбы* (договор *после борьбы*, особенно после успешной борьбы мы считаем необходимым), – то наше такое поведение мы должны назвать бойкотом совещания [...]

Конечно, «нет худа без добра», совещание в данный момент тоже могло бы принести *некоторую* пользу в смысле организации, в смысле «расширения борьбы», как выражается тов. Кочегар¹⁰⁰. Но если вред, приносимый совещанием, безусловно перевешивает эту самую *некоторую* пользу, тогда безусловно надо отбросить совещание, как излишний хлам.

Из статьи И. Джугашвили «Надо бойкотировать совещание!», напечатанной 29 сентября 1907 г. за подписью «Ко..» в газете «Гудок» № 4

Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. С. 81–86.

№ 47

П. Сакварелидзе:

Большевики под руководством Сталина и во главе с ним решили использовать совещание в целях объединения пролетариата и вопрос участия в них увязали с вопросом о гарантиях. Сталин и его сторонники отстаивали участие в совещаниях при том непереносимом условии, если промышленники признают рабочих в лице их профессиональных союзов равноправной стороной и им будет полностью обеспечена свобода собрания и агитации, неприкосновенность личности, свобода выборов делегатов, равное по количеству представительство рабочих и промышленников и т. д. Нефтепромышленники вынуждены были признать эти «конституционные гарантии» и просить правительство принять их. [...] Эта политика имела последствием то, что в Баку в течение нескольких недель свободно работал «рабочий парламент», который публично обсуждал вопросы своего классового положения, свои права и интересы.

Из воспоминаний Сакварелидзе П.Д., опубликовано в грузинской газете «Коммунист» 18 мая 1935 г. Перевод с грузинского РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 658. Л. 313–314.

№ 48

А. Рохлин:

Из колоссального количества конфликтов, разрешенных союзом нефтепромышленных рабочих (1907–1908), подавляющее большинство принималось нефтяными фирмами безоговорочно; безоговорочно эти фирмы вносили в кассу союза безработных наложенные на них этим и другими союзами денежные штрафы за те или иные проступки. Представители крупнейших фирм не раз и не два вносили деньги на те или иные нужды партийной организации (наша большевистская организация, нечего греха таить, не брезгала и этим источником дохода, хотя – это надо отметить – тут не было ничего похожего на те даяния, которыми пользовались шендриковцы: укажем хотя бы на 10-ти тысячный куш, полученный ими от нефтяников при заключении декабрьского (1904) договора, т. е. при обстоятельствах, которые придавали получке характер подкупа). Те же крупнейшие фирмы не раз и не два искали у нас защиты (помню случай обращения Манчо к Биби-Эйбатскому райкому уже в самое тяжелое время, кажется, в 1911 г.) от приставаний и налетов разного рода «эксистов», борьбу с которыми пришлось вести и нам (в 1907 году наша объединенная боевая дружина арестовывала их и высылала из города), конечно, не теми дикими и безобразными мерами, какими с ними боролись дашнаки, одно время истреблявшие их на улицах среди белого дня (вспоминается случай в конце 1906 года или в начале 1907 г., когда в помещение редакции издававшейся нами армянской газеты, близ Парапета, вбежали два обезумевших человека и, кинув мне на стол маузеры, бросились прятаться от настигавших их дашнакцаканских «зинворов»).

¹⁰⁰ Кочегар – псевдоним И. Шитикова (Самарцева), официального редактора-издателя легальной газеты «Гудок».

Отмеченное отношение нефтяных магнатов к пролетарским организациям свидетельствует об их уважении к силе (поскольку они, действительно, были силой) этих организаций. Но, кроме того, едва ли не большую роль – особенно в примитивный период развития – тут играла боязнь. Нефть легко воспламеняется. Нефтяники это помнили еще с 1903 года¹⁰¹. В декабрьскую забастовку шендрикловцы подожгли промысла в тот момент, когда забастовка грозила полным провалом, и этим поджогом обеспечили относительную победу забастовавшим рабочим. Позже безработными в эту практику было даже внесено некоторое усовершенствование: подобие стрелы, пущенной из-за угла умелой рукой. Одно давало желаемые результаты с полной гарантией безопасности. Л. С. Сосновский не так давно рассказал, как можно «тартать нефть»... вхолостую. Нет ничего мудреного в том, чтоб ловко пущенный в скважину бурильный инструмент надо было вылавливать неделями, если не месяцами.

Вот вам не первые, но и не последние причины, хорошо объясняющие и состояние сил (по крайней мере в известный период развития движения) в мазутной республике, умонастроение масс и нефтяников-предпринимателей.

Рохлин А. Из прошлого // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 83–84.

№ 49

И. Шитиков-Самарцев:

Судьба совещания по коллективному договору была предreshена тем общим настроением, которым были охвачены и нефтепромышленники, и рабочие. [...] На ближайших партийных собраниях по инициативе тов. Кобы была выдвинута идея выборов специальных комиссий по подрайонам, выработки общих требований и организации кампании за всеобщую стачку, руководимую организационной комиссией. Это предложение было ни в какой мере не осуществимо, ввиду общего упадка настроения рабочих.

Шитиков-Самарцев И. Партия в рабочих районах // Двадцать пять лет Бакинской организации большевиков. С. 218.

№ 50

К. Захарова-Цедербаум:

На несколько месяцев затянулись собрания, на которых происходила оживленная дискуссия «по платформам». Результат голосования был таков: за участие высказало 24 тысячи рабочих (причем большинство их за участие «с гарантиями»), за бойкот 12 тысяч; около 15 тыс. рабочих остались неопрошенными. [...] Было избрано всего 300 уполномоченных. Результаты голосования показали, что среди рабочих нет единодушия. Этим воспользовались нефтепромышленники, чтобы решительно выступить против совещания – с кем договариваться, если за совещание, да и то условно, высказалось несколько больше половины всех рабочих? Несколько собраний уполномоченных прошли в ожесточенной борьбе сторонников различных течений и ни к чему положительному не привели; бойкотисты в конце концов ушли. [...] Джунковскому было предъявлено основное требование проведенного большевиками наказа – допущение с совещательным голосом представителей союзов. Убедившись в решительном нежелании промышленников договариваться с рабочими, как с единым целым, Джунковский воспользовался этим ультиматумом, чтобы объявить заседание закрытым «ввиду отказа со стороны предста-

¹⁰¹ Так в тексте, вероятно, мемуарист имел в виду декабрьскую стачку 1904 г.

вителей рабочих без участия представителей профессиональных союзов приступить к работам организационной комиссии».

Захарова-Цедербаум К. В годы реакции. С. 83–84.

№ 51

Начальник сыскной полиции Бакинского градоначальства [Азбукин]:

В ночь на 25 сего марта лично мною с чинами сыскной полиции совершен обход разных притонов, посещаемых всякого рода преступными лицами, причем задержано несколько подозрительных лиц, в числе задержанных оказался житель сел. Маглаки Кутаисской губ. и уезда Коган Бесов Нижарадзе, при котором найдена нелегальная переписка, и потому Нижарадзе передан мною в распоряжение господина начальника Бакинского губернского жандармского управления.

Докладная записка временно исполняющего должность начальника сыскной полиции г. Баку [Азбукина] бакинскому градоначальнику, 31 марта 1908 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 2 (подлинник).

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 523. Л. 1–1 об. (подлинник, рукопись).

Опубликовано: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 291.

№ 52

Начальник сыскной полиции Бакинского градоначальства [Азбукин]:

Г. Начальнику Бакинского губернского жандармского управления.

При сем препровождаю на распоряжение вашего высокоблагородия жителя сел. Маглаки Кутаисской губ. и уезда Каиоса Нижарадзе, задержанного в ночь на сие число в №№ «Германия», вместе с отобранной у него перепиской, при сем в опечатанном конверте прилагаемой.

Отношение вр.и.д. начальника сыскной полиции Бакинского градоначальства [Азбукина] начальнику Бакинского ГЖУ полковнику Е. М. Козинцову, 25 марта 1908 г., № 168

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 22 (подлинник).

№ 53

Протокол¹⁰²

1908 г. марта 25 дня. Задержанный по сомнен[ию] в личности назвавшийся Нижерадзе Кайосом Бесовым в Бакинской сыскной полиции объяснил

¹⁰² Документ на типографском бланке, текст бланка выделен курсивом.

1. <i>Имя, отчество и фамилия</i>	Кайос Бесов Нижерадзе
2. <i>Звание</i>	Кутаисской губ. и уезд[да] с. Малаки
3. <i>Лет</i>	28
4. <i>Вероисповедание</i>	православного
5. <i>Отношение к отбыванию воинской повинности</i>	отбыл
6. <i>Семейное положение</i>	Холост
7. <i>Родственники и их местожительство</i>	От[ец] Виссарион на родине
8. <i>Вид на жительство</i>	Бессрочная паспортная кн. Кутаисск. полиц. управ. от 7 апреля 1906 г. за № 193
9. <i>Если же паспорта не имеется, то с какого времени и какие меры принимались к получению такового</i>	–
10. <i>Сколько времени проживает в г. Баку и откуда прибыл</i>	8 месяцев, с родины
11. <i>Местожительство настоящее</i>	Балаханы Московско-Кавказское товар[ищество]
12. <i>Местожительство прежнее</i>	Биби-Эйбат
13. <i>Занятие или ремесло</i>	корреспонд[ент] газ[еты] «Гудок»
14. <i>Где работает</i>	Контрощ[ик] союза нефтепром[ышленных] рабочих
15. <i>Если же работы не имеет, то с какого времени и место последней работы</i>	–
16. <i>Состоит ли в каком-либо профессиональном союзе и в каком именно</i>	в союзе нефтепр[омышленных] рабочих
17. <i>Содержался ли в тюрьме или арестном доме в г. Баку, когда именно, за что, какой срок и по чьему приговору или распоряжению</i>	[поставлен штамп о том, что сведений о судимости и розыске не имеется, 25 марта 1908, делопроизводитель Мариснов (?)]
18. <i>Отбывал ли наказание в других городах (с теми же подробностями)</i>	[поставлен штамп, что сведений не имеется, с той же датой]

Гайос Нижарадзе
Вр. и. д. начальника Гайос

Протокол допроса И. Джугашвили 25 марта 1908 г., Баку. Заполнен рукой допрашивавшего, подпись – автограф. Подписи допрашивавшего нет, вместо нее повторено: «Гайос» РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5050. Л. 1–2 об. (подлинник).

*Постановление № 1895*¹⁰³

1908 г. марта 25 дня, г. Баку. Я, начальник Бакинского Губернского Жандармского Управления полковник Козинцов ввиду имеющихся сведений в Управлении о преступной деятельности Кайоса Виссарионовича Нижарадзе и руководствуясь 21-й ст. Положения о Государственной Охране (...) постановил: поименованного Нижарадзе заключить под стражу в Бакинскую тюрьму, впредь до разъяснения обстоятельств дела, копию сего постановления препроводить г. прокурору Бакинского окружного суда, г. Бакинскому градоначальнику и в место заключения, о чем объявить задержанному.

Полковник Козинцов *Постановление это объявлено* Нижарадзе Гайоз¹⁰⁴

Постановление начальника Бакинского ГЖУ полковника Е. М. Козинцова, 25 марта 1908 г.

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 627. Л. 21 (подлинник).

№ 55

Полковник Е. М. Козинцов:

Уведомление о возбуждении переписки (Лит. А)¹⁰⁵

1) *Наименование дознания* Переписка о выяснении степени политической благонадежности назвавшегося Каиосом Нижарадзе.

2) *Время возбуждения дознания* 30 марта 1908 г.

3) *Место возбуждения и производства* Г. Баку

4) *Кто производит [...]* Переписку и.д. адъютанта вверенного мне Управления поручик Боровков

5) *Основания возбуждения дознания* Обнаруженная при обыске у Нижарадзе компрометирующая переписка [...]

Уведомление начальника Бакинского ГЖУ полковника Е. М. Козинцова в Департамент полиции, 11 апреля 1908 г., № 2272

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 4. Д. 98. Л. 2.

ГА РФ. Ф. 102. Оп. 205. Д. 7. 1908. Д. 2329. Л. 1 (фотокопия).

№ 56

Поручик Боровков:

Протокол № 1

1908 г. марта 30 дня в г. Баку я, Отдельного Корпуса Жандармов поручик Боровков, в присутствии нижеподписавшихся понятых, производил в порядке Положения Охраны осмотр вещам, добытым при обыске у Гайоса Нижарадзе, при чем оказалось:

Рукописи:

1) 2 1/2 листа, озаглавленных: «Резолюция пред[ставите]лей Ц.К[оми-те]та по делу о расколе в Б.О.Р.С.Д.Р.П. [...]

2) Шесть клочков бумаги с заметками, касающимися партийной работы.

¹⁰³ Документ на типографском бланке, текст бланка выделен курсивом.

¹⁰⁴ Подпись собственноручная.

¹⁰⁵ Документ на типографском бланке, текст бланка выделен курсивом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.